Холодное блюдо

Автор:
Евгений Щепетнов

Холодное блюдо

Евгений Владимирович Щепетнов

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Что, если ты амбициозен, желаешь власти больше всего на свете, но при этом хочешь переделать мир в лучшую сторону и обладаешь способностями величайшего в мире мага-лекаря? Ты идешь к власти, наплевав на честь и угрызения совести. Ты изучаешь черную магию, запрещенную под страхом смерти, и все у тебя получается до тех пор, пока… пока НЕ получается. И тогда ты летишь вниз, словно камешек, пущенный с крутой горы. И нет у тебя друзей, кроме Братьев из гильдии убийц, таких же гонимых и разыскиваемых агентами Императора. И тебе остается одно – мечтать о мести, но ведь месть – это блюдо, которое следует подавать холодным…

Холодное блюдо

Евгений Щепетнов

© Щепетнов Е. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Девушка вздохнула, и горячий воздух из ее прелестного розового носика пощекотал плечо мужчины. Он довольно прикрыл глаза, щурясь на невероятно дорогие обои, подбитые золотыми гвоздями. Ему было очень, очень хорошо! В тридцать лет стать первым придворным лекарем, признанным мастером лекарского искусства! Это ли не предмет для гордости?!

Но и это не главное. Стать возлюбленным императорской дочери, стать ее первым мужчиной – это ли не достижение?! Ему, худородному провинциальному аристократу, добраться на самый верх лестницы власти! То ли еще будет! Да, императорская дочь ему не пара, и ему не позволят на ней жениться, если только… у них не будет ребенка. Их ребенка.

Такие случаи уже были – мужчина хорошо знал историю, очень хорошо! На уровне профессиональных историков и хронистов императорского двора! Да, девятый ребенок императора, одна из его дочерей от третьей жены, – не такая уж важная птица, чтобы занять трон, до нее еще восемь претендентов, но… как она, жизнь, повернется? Люди имеют свойство умирать – падать с лошади, тонуть в море… погибать от неизвестных болезней. Или поев что-то не очень свежее. Или очень свежее, но с «несвежей» добавкой в виде долгодействующего яда, против которого бессильны самые лучшие лекари-маги. Есть такие яды, о которых современные лекари даже не подозревают. Яды, обнаружить которые невозможно и против которых не существует никаких противоядий. Яды, от которых не спасает даже магия!

Запретная магия. Запретные исследования. Глупость несусветная! Они считают, что, если уничтожили трактаты, книги и свитки с описанием так называемой запретной магии, так теперь этой магии и нет! Вроде того, как если бы запретили слово «задница» – задница есть, а слова нет!

И кстати, невозможно уничтожить все упоминания о запретном плоде. Все книги о нем. Где-то поленились как следует почистить частную библиотеку, где-то пожадничали и не сожгли запретные книги, а продали их в книжную лавку – и вот теперь эти книги в нужных, умелых руках!

И если приложить немного усилий, агенты всегда найдут необходимые книги. Главное, достойно заплатить. А молодой успешный лекарь никогда не был скупердяем и хорошо платил по счетам. А самое главное – ему было чем платить. Денег хватало. Более чем хватало! И на счете в имперском банке, и у проверенных людей в столице, и в нескольких провинциальных городах – у менял и купцов. Умный человек не кладет все яйца в одну корзину – всегда нужно допускать, что эту корзину могут выбить из рук. Или похитить. Особенно если ты строишь грандиозные планы по захвату власти.

Девушка снова шевельнулась, потом откинула шелковое одеяло с длинного, упругого и гладкого бедра. Прекрасна! Свежа, как цветок после ливня! Впрочем, с чего ей быть несвежей, в шестнадцать-то лет? Страстная. Даже… даже слишком страстная! Третья жена императора – с юга, это ее дочь. Красива, как ее мать. Говорят, император благоволит к ее матери. Очень. Якобы она заправляет в гареме. Что и немудрено – с такой-то красивой внешностью и острым умом!

Мужчина вздохнул и чуть отодвинулся от любовницы, вольготно раскинувшейся на широкой постели. Ему хотелось спать, но… только идиот будет спать в постели принцессы! Не дай бог застанут в объятиях этой красотки – последствия непредсказуемы. Нельзя так просто взять и запрыгнуть в кровать принцессы! Принцесса – это товар. Это политика. Это интриги. Ее можно выдать замуж за правителя соседней страны и тем укрепить союзнические отношения. Она может родить ребенка от нужного, влиятельного аристократа и дать трону наследника. В конце концов, она сама наследница трона! И ее ребенок не может быть случайным, залетным!

Спустил ноги с кровати, потянулся к штанам, брошенным на кушетку. Встал, медленно, стараясь не шуметь, натянул их на свои крепкие, мускулистые, сухие бедра мечника.

Две страсти в его жизни – любовь к власти и боевые искусства. Второе – обычное дело в империи Араш, тем более у аристократов. Даже если ты аристократ всего лишь двенадцатого ранга, ничтожный мелкопоместный землевладелец где-нибудь на окраине империи, ты можешь подняться при дворе – если владеешь мечом, как сам бог войны. Можно в дворцовую гвардию, можно прославиться как дуэлянт, и тебя тоже заметят. Попадешь в телохранители к высшим аристократам. А если выиграешь турнир мечников… да что там выиграешь – хотя бы войдешь в первую десятку! – можешь перепрыгнуть через ранг, а то и

через два! Императорским указом. И так можно долезть даже до четвертого, а то и третьего ранга! Не выше, конечно, потому что выше только императорская семья. Но и это очень, очень высокий уровень! Уровень почти что богов!

Когда умерли родители, Ангус находился на учебе в Имперской академии, куда его взяли по протекции бывшего командира отца, влиятельного аристократа четвертого ранга, потомственного военного. Родители выжимали все, что было возможно, из своего захудалого поместья, чтобы обеспечить учебу сына и кое-как сводить концы с концами. Две деревеньки, принадлежавшие родителям молодого курсанта, выбивались из сил, чтобы выжить. Крестьяне бежали, умирали от болезней и голода, истощенная земля приносила очень мало прибыли, и, если бы не маленький серебряный рудник, дела были бы совсем уж плохи.

Впрочем, Ангус тогда не особо интересовался домашними делами. Ему нравилась столичная жизнь. Молодой красивый курсант пользовался успехом у дам – и не только у молоденьких дочерей знатных аристократов. Замужние дамы обожали этого «посланца небес», как они его называли, и с удовольствием предавались похоти в объятиях совсем еще молоденького парня. Он познал радости постельных утех еще в четырнадцать лет, соблазненный женой одного из аристократов, посетивших ежегодный бал выпускников академии, на котором присутствовали все курсанты, начиная с первого курса. А потом пошло-поехало! Одна дама, другая дама… взрослые и не очень, красивые и не очень – молодой Ангус оттачивал на них свое обаяние, как старый солдат точит свой меч, даже если битва настанет не скоро. Молодой провинциал еще тогда понял, как нужно идти к вершинам власти, и готовился к тому, что предстоит. Женщины – вот кто тихо, из тени правит миром! Вот с чьей помощью можно пробраться к самой вершине!

Ему было шестнадцать, когда родители умерли, заразившись желтой лихорадкой от одного из заезжих купцов с юга. Перемерли практически все принадлежавшие семье крестьяне, а те, что выжили, сбежали. И никто их не преследовал, некому было это сделать. Охрана тоже разбежалась, управляющий, надсмотрщики – все. Дом и окружающие его постройки были сожжены, чтобы уберечь от заразы соседние поместья, так что Ангусу не досталось совсем ничего – кроме опоганенной, заросшей бурьяном земли, в которую мертвой хваткой впились корни занесенной заразы. Эту землю никто не хотел покупать. Да что покупать, даже взять даром. Пришлось переписать ее на казну, иначе пришлось бы ежегодно платить довольно-таки немалые налоги.

Не сказать, что Ангус не тосковал о родителях. Все-таки он был им благодарен – за то, что родили, за то, что, выбиваясь из сил, тащили его по жизни, отдавая последнее, думая только о том, чтобы сыну было хорошо. Но это и понятно: если сын выберется в высшие слои общества, он вытащит и родителей. Вложение в сына – выгодное вложение капитала.

Особо предаваться скорби было некогда – нужно думать, как выжить! И он выживал. Учеба, свидания с богатыми женщинами, за счет которых он, собственно, и жил, и снова – учеба, учеба, учеба.

Академию окончил с отличием – офицер, лекарь-маг, лучший фехтовальщик курса. Супруга одного из известнейших аристократов, любившая время от времени подержать в объятиях молодого офицера, пристроила его на должность десятого дворцового лекаря. Должность почти ученическая, но ведь главное – зацепиться! Ну не в армию же ехать, куда-нибудь на южные окраины командовать взводом санитаров – копаться в загнивших внутренностях и останавливать кровь порубленным степняками стражникам! Не-ет… планы Ангуса были гораздо серьезнее и простирались так далеко, что, если бы император узнал, что таится в голове молодого лекаря, укоротил бы юношу на эту самую голову.

О тайных искусствах Ангус узнал случайно: просматривал книги из запасников императорской библиотеки, там и натолкнулся на толстенную книгу в позеленевшем медном переплете. Называлась она «Древние искусства ядов, противоядий и способы напущения проклятий, исключительно для борьбы с оными». Это было пособие для лекарей-магов по борьбе с отравлениями и магическими проклятиями, но что удивительно – там подробно рассказывалось о том, как составлять яды и устраивать магические проклятия, приводящие к гибели человека. Хотя, впрочем, ничего удивительного в этом не было: хочешь побороть яд – узнай, из чего он сделан и как действует.

Это был настоящий подарок судьбы! Редчайшая книга, о которой в своих трактатах изредка упоминали самые знающие ученые лекари и которую никто из коллег Ангуса никогда не видел!

Увы, редкие книги стоили много монет, и денег тогда постоянно не хватало, несмотря на то, что Ангус продвигался по служебной лестнице – шаг за шагом, шаг за шагом. Начал с десятого лекаря, через год уже поднялся до седьмого, обслуживающего прислугу – горничных и постельничих. Особ императорской

крови пользовал только первый лекарь, и до места первого было еще очень и очень далеко! И этот самый первый лекарь никак не хотел оставлять своего насиженного места.

Ангус поднялся бы скорее, чем за год, но это было слишком опасно. Лекари, умирающие один за другим – пусть даже от естественных причин, таких как остановка сердца во сне, – вызовут закономерное подозрение. И так уже слишком – три лекаря вдруг уснули и не проснулись. Дав дорогу своему молодому коллеге, зарекомендовавшему себя с лучшей стороны.

Долгие годы все лекари выше Ангуса сходили в могилу, даже не подозревая о причине своего недомогания. И никто, никто не заподозрил блестящего офицера, военного лекаря, лекаря при дворе его императорского величества!

Такой достойный мужчина не мог совершить преступление! Ну никак не мог!

Красивый, как бог любви, воспитанный, вежливый, хороший товарищ и прекрасный любовник, великолепный фехтовальщик и неплохой музыкант, великолепный лекарь – он был вне подозрений, и карьера его уверенно шла вверх. До самого предела.

Этого предела он достиг к тридцати годам – места первого императорского лекаря. Лекаря, которого допускали до самого властителя. Только первый лекарь имел право притрагиваться к священной персоне наместника богов. Только первый лекарь решал, что из лекарств принимать императору, а что – нет.

Мужчина надел рубашку, опоясался перевязью с мечом, прислушался – ему показалось, что вдалеке раздаются голоса, звякнул металл. Нет, все тихо. Показалось!

Долгие годы, прожитые в страхе разоблачения, дают о себе знать. Усталость. Сны дурные. В них он куда-то бежит, от кого-то спасается, ему плохо, больно и страшно. Во сне вылезают затаенные опасения, днем сдерживаемые уздой железной воли. И тогда – кровь, боль, смерть.

И практически никогда не снится хорошее – родители, отеческое поместье, ручей со старой купальней на берегу вырытого в давние времена пруда. Вода в

ручье была холодной, как лед. Она стекала с гор и была чистой, как дорогой хрусталь. Единственное, в чем не нуждалось поместье, – это в чистой холодной воде. Ее всегда было предостаточно, в отличие от денег.

Именно в поместье мальчик Ангус решил, что никогда не будет таким нищим, как его родители, и упорно шел к своей цели. И добился ее. Но теперь хотелось гораздо, гораздо большего! И все шансы на то у него были.

В каждом старом дворянском роду имеется капелька императорской крови. Каждый может претендовать на трон – если у него хватит сил и умения трон захватить и после захвата удержать. И таких случаев в истории империи было не то что предостаточно – даже нынешний император являлся внуком человека, свергнувшего тогдашнего императора и захватившего престол.

Черни по большому счету плевать, кто ею правит. Главное, чтобы брюхо было набито сытной едой и крыша над головой не протекала. Политические игры только для дворян.

Снова показалось, что в коридоре кто-то говорит – тихо, вполголоса. Несколько слов, и все стихло. И кто это может быть в такое глухое ночное время? Кто разгуливает по коридорам дворца? Гвардейцы, скорее всего. Проверяют посты, совершают очередной обход.

Ему предлагали вступить в гвардию – почетное ремесло! Начищенные доспехи, яркие перья на шлеме – дамы просто-таки визжат от вожделения, мечтая заполучить гвардейца в свою постель. Но зачем Ангусу эта служба? Муштра, парады, ночные дежурства у покоев императорской семьи – и жалованье не такое уж и большое. На попойки и кутежи хватит, но чтобы как следует разбогатеть? Никогда! А вот у Ангуса теперь уже имелся кругленький капитал. И это несмотря на то, что он тратил на редкие запретные книги неприлично большие деньги.

Впрочем, все возвращалось сторицей. Ангус успешно торговал запретными ядами и снадобьями, делая это через посредника, не очень удачливого коллегу по ремеслу Гетана Дирса. А еще поставлял яды и снадобья запретной гильдии убийц – организации гонимой, но тем не менее очень востребованной и богатой. Всегда найдется некто, желающий устранить конкурента-лавочника или постылую жену. И если можно сделать это так, что убийство не ударит

рикошетом в тех, кто это сделал, – так почему бы не купить яд у знающего мастера? Специалист по ядам всегда в цене.

Гильдия сама вышла на него. Ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться. И дело было не только в деньгах, хотя деньги они платили очень недурные. Когда-нибудь, когда он поднимется на высшую ступень власти, такие люди будут ему необходимы. Невидимые – люди-тени, люди-миражи. Смертоносные миражи.

Ангус вообще не понимал, почему нынешний император поставил гильдию убийц вне закона. Это было глупо и непрактично. Гильдия существовала тысячи лет и будет существовать всегда! Это все равно как запретить гулящих девок – они все равно будут ловить клиентов, только тайно и без положенного лекарского осмотра. Секс ведь не запретишь!

Снова голоса. Да что такое? Что там случилось?!

Осторожно подошел к двери, прислушался… тихо. Отодвинул засов, взялся за дверную ручку, приоткрыл. Высунул голову…

Удар! Ошеломляющий, болезненный, рассекающий кожу головы! Вскользь, иначе бы конец! Будь голова чуть послабее, сейчас уже валялся бы на полу.

Отпрыгнул назад!

Меч в руках!

Дззанг! Сталь взвизгнула, парируя тяжелый удар короткого меча, – дуэльный меч против вражеского боевого, короткого, грубого, но эффективного в тесном помещении. Ответный выпад! Меч согнулся – кольчуга! Не пробил!

Подсек на уровне колен – человек вскрикнул, повалился, сбив с ножек легкий, инкрустированный серебром и костью столик.

Дико завизжала принцесса, сжавшись у спинки кровати. Глаза широко раскрыты, в разинутом ротике розовый язык, которым она так хорошо умела ублажать любовника.

В дверь вбежали люди в тяжелой броне, с топорами на длинных рукоятях – дворцовая стража! Шипы на конце древка направлены на Ангуса. Цепью, плечо к плечу – надвигаются медленно, неуклонно, как сама Судьба! Как сама Смерть!

Взгляд на окно – выпрыгнуть?! А смысл?! Оказаться во рву, насаженным на скрытые под водой острейшие колья?! Сдохнуть в грязной воде обсиженный мерзкими пиявками?! Нет, лучше смерть!

– Сдавайся! У тебя нет шансов!

Знакомый голос. Инквизитор Трей. Главный инквизитор Трей! Сердце сжалось, будто кто-то схватил его и держит в тяжелой ладони, время от времени сжимая и покручивая.

– В чем дело? Как вы посмели… императорского первого лекаря?! Это что, бунт?!

Голос не дрожал, но внутри все тряслось и вздрагивало – тело требовало движения, битвы или бегства, но только не стоять на месте, только не изображать из себя статую императора Селена Пятого!

– Это приказ императора. Читай! – Голос главного инквизитора спокоен, даже бесцветен. Так шелестит ветер, так журчит вода, так сыплется песок. Инквизиторы всегда так говорят – как будто их этому учат. Не повысят голоса, не кричат, шелестят, как высохший пучок травы. И этот шепот страшен.

Свиток поймал левой рукой, развернул, держа меч в правой. Прочитал. Потом еще раз перечитал, осмотрел печать. Понял, хотя это и так было ясно, – ему конец! А ведь хорошо все шло! Столько труда, столько времени потрачено! Впустую…

Бросил свиток на пол, злобно ощерился:

– Попробуй меня взять! Ну?! Кто первый?!

Рассек воздух двумя ударами крест-накрест. Грозно и… глупо. Дуэльный меч против тяжелой брони?!

– Взять его… – Сухой шелест голоса. – Живым.

Успел ранить еще троих. Как ни уберегай глаза, колени, шею, узкий, гибкий меч все равно найдет себе поживу! Сочленения доспехов, прорези шлемов – если рука точна, если выверен удар! Зачем? Какой смысл в сопротивлении? Об этом пусть думают жалкие трусы! А он, Ангус, никогда не сдавался и не сдастся!

Волна закованных в сталь бойцов нахлынула, затопила комнату, подмяв под себя отчаянно орудующего мечом первого лекаря, тяжелые удары выбили из него разум.

И сознание погасло. Не было последних мыслей о том, что все потеряно, не проносилась перед глазами жизнь – ничего такого романтического и героического. Только ярость, только злоба и желание как можно дороже продать свою жизнь. Даже досады не было. Даже разочарования. Злоба и жажда мести.

Жгучий холод прочистил мозги, и в нос ударил запах раскаленного железа. А еще запах угля – приятный запах. Запах очага, дома.

Попытался открыть глаза, правый глаз подчинился, левый нет. Но и от правого толку было мало – все тусклое, все расплывчатое, ничего как следует не рассмотреть. Кто перед ним? Где он?

– Протри ему глаза! – Тихий, шелестящий голос, проникающий в душу. Знакомый голос.

Лица коснулось что-то вонючее, пахнущее кислым потом и гарью, шипучая боль снова вонзилась в мозг. Застонал, едва не потеряв сознание.

Что-то острое вонзилось в надбровье, и по щеке потекла горячая жидкость. Снова тряпка, снова боль… но глаза на самом деле очистились, и теперь можно было смотреть. Впрочем, лучше бы этого не видеть. Никогда.

Мерзкая морда. Круглая, как кочан капусты. Лысина, толстые губы, растянутые в ухмылке. Палач! Пыточный мастер. Ангус видел его, и не раз, но брезговал с ним

общаться. Делал вид, что не замечает.

А теперь…

– Мастер лекарь… – Шелестящий голос инквизитора вырвал из раздумий. – Покайся, мастер лекарь! Расскажи про заговор, расскажи, как злоумышлял против трона, – и умри с миром. Выдай сообщников и тогда, возможно, останешься жить!

– И сдохну через год, прикованный к веслу? Покрытый язвами и дерьмом? – усмехнулся Ангус, едва шевеля распухшими губами. – Идиот! Не было никакого заговора! Не участвовал я ни в каком заговоре!

– Мы давно за тобой следим, мастер лекарь. Мы все про тебя знаем, даже то, что ты про себя не знаешь. Твой путь усыпан трупами! Ты адепт тайной, запретной магии! Ты злоумышлял против трона, против императорской семьи! И чем быстрее сознаешься в этом, тем лучше. Так что, ты готов признаться? Готов выдать сообщников? Молчишь? Ничего… это даже хорошо. Не верю я преступникам, которые тут же начинают каяться в грехах, только лишь увидят инструменты мастера Ниума. Раскаяние должно быть выстраданным, идти из глубины души. Не правда ли, господин бывший первый лекарь? Мастер Ниум, начинай! Только учти, он должен говорить и должен жить – пока мы не решим, что ему пора умереть. Не дай бог он скончается у тебя на кресте! Я с тебя самого кожу сдеру!

– Господин инквизитор… – Палач подобострастно склонился перед человеком, блеснув бритой головой в свете очага. – Всегда присутствует возможность того, что преступник не выдержит пыток и умрет! Я же не могу знать, сильное у него сердце или нет! Бывает такое, что не выдерживают и самой маленькой боли, что умирают, как маленькие дети, во сне! Разве я могу дать гарантию, что этот человек не умрет?! Единственное, что могу обещать – я причиню ему такую боль, которой он не испытывал никогда в своей жизни, такую боль, что она обязательно развяжет ему язык! И сделаю все, чтобы он прожил как можно дольше, чтобы шел к месту казни на своих ногах, обещаю!

– Вот и хорошо… – Благосклонно кивнул инквизитор. – Приступай к работе. Я рассчитываю на твое мастерство.

Он кричал. Он терял сознание. Его приводили в чувство, лечили, и он снова кричал.

Его спрашивали, и слова впивались в мозг, как раскаленные иглы. Он просил, угрожал, подкупал, умолял, плакал и снова кричал.

Не было в мире ничего – кроме боли, кроме запаха паленого мяса, кроме ядовитых вопросов, прожигающих мозг, вытаскивающих из него все, что было укрыто даже в самых дальних его уголках.

Ему давали пить – горькое снадобье, которое размягчало, делало податливым к вопросам. И он отвечал. Что именно отвечал – не помнил. Что-то, да, отвечал. И мечтал о том, чтобы умереть. Как можно быстрее и безболезненнее – умереть.

И умер.

Мастер Ниум был очень расстроен. Да и как не расстроиться, если прекрасно помнишь обещание главного инквизитора? Но кроме страха наказания было еще и другое – профессиональная ошибка! Арестант умер во время пыток, не дожив до казни! Пятно на репутации! Позор!

Скандала не было. По большому счету, арестант сказал все, что хотелось знать инквизитору, и немного больше того. Потому к палачу не были применены никакие меры наказания. Так… лишили недельного жалованья, и все. Разве это наказание?

Ерунда.

Мертвого лекаря сунули в железную клетку и вывесили ее на площади Правосудия, прикрепив к клетке широкую деревянную доску, на которой указаны преступления покойника: заговор с целью свержения трона, убийства, занятия черной магией!

Прежде чем сунуть покойника в клетку, палач хорошенько прижег его раскаленным железом, сунув раскаленный докрасна прут в самое чувствительное для мужчин место… Покойник не закричал, не задергался – лежал себе, как и положено покойникам, и таращился мертвыми глазами в

закопченный дочерна сводчатый потолок пыточной.

Конечно, это была обыкновенная формальность – положено проверить, не притворяется ли покойником хитрый арестант, вот и проверили. Только что там было проверять, когда сердце не бьется, дыхания нет и кожа по цвету, как у нормального покойника! И холоден, как труп, коим, собственно, и является. Но только вот по инструкции положено зафиксировать смерть арестанта – значит, это нужно сделать. При двух свидетелях из инквизиции – это само собой разумеется! При двух угрюмых, кислых рожах, при виде которых скиснет и молоко.

Освидетельствовали, составили заключение о смерти арестанта – все. Дело закрыто. Уносите труп!

Одинокий, почти погасший факел яростно трепетал на полночном ветру, отчаянно сопротивляясь наступавшей тьме. Морской ветер, пахнущий заморскими странами, гниющими водорослями и пряностями, играл обрывками окровавленной ткани, болтающейся на покрытом ранами трупе несчастного, приговоренного к ужасной участи: лишиться перерождения, обреченного вечно скитаться между мирами в Сером Мире, где нет ни времени, ни жизни – ничего, кроме отчаяния и вечности. Все, кто не упокоен, не погребен в земле, не сожжен в погребальном костре, обречены на вечное скитание. И нет для покойного более страшной участи, чем болтаться над землей в тесной маленькой клетке, постепенно превращаясь в объеденные насекомыми и птицами белые кости.

Вон их сколько, этих несчастных, «удостоенных» страшного наказания, – ряды и ряды клеток, в которых лежат останки самых важных, самых страшных государственных преступников. Тех, кто на самом деле злоумышлял против Трона, тех, кто «прославился» своими преступными планами и ужасными деяниями.

Под висящими клетками на камне площади чернели темные пятна – туда из последнего пристанища авантюристов и преступников стекали их бренные останки, превратившиеся в смердящую, мерзкую жижу.

Стражи, которые сейчас сидели в будке, допив бутыль вина и подремывая на своем посту, должны были следить за тем, чтобы никто не подходил близко к

клеткам и не рвал траву, которая пробивалась сквозь камни, политая сочными человеческими останками. Говорили, что, если эту траву сорвет чернокнижник, занимающийся запретной магией, он сможет из нее создать снадобье для особо изощренных заклинаний, насылающих порчу и лишающих людей всего, что им дорого – здоровья и самой жизни.

Но стражникам было плевать и на людей, и на трупы, да и не видели они никогда никаких чернокнижников, крадущихся к клеткам под покровом ночи. Да не только ночью, и днем-то никто не осмелится с эдакой целью подойти к этим самым клеткам, страшным напоминаниям о совершенных преступлениях и последующей за ними кары.

Честно сказать, стражники, тертые и трепанные жизнью, познавшие ее на пыльных и небезопасных улицах столицы, не верили ни в каких чернокнижников, по жизненному своему опыту полагая: если власть захочет тебя убить, она придумает для того любые обоснования. И чем хуже других причин для казни обоснование «занятия черной магией»? Про любого возьми да и скажи, что он занимается черной магией! Инквизиция припалит ему причиндалы – вот и сознался супостат. Не он первый, не он последний. Так что не нужно придумывать всякую ерунду, наваливая на бедных, очень бедных стражников ненужные им обязанности! И дремлют стражники в уютной, пропахшей потом, портянками и вином будке, и видят сны о том, как они сладко пьют и сладко закусывают. Сопят красные носы, шлепают толстые губы – сны хорошие, сны сладкие, много вина, много закуски, много прекрасных девушек, истово мечтающих о ядреном теле сорокалетнего стражника, потерявшего передние зубы в кабацкой драке за обладание трактирной шлюхой.

Зубы дело наживное, можно и вырастить – лекари-маги творят чудеса. Что там зубы, даже руки-ноги можно отрастить, если есть деньги! Но только денег нет. И наверное, уже и не будет. Только во сне можно стать красивым, статным, молодым и богатым. Так что лучше почаще и подольше спать. Никому не нужны сгнившие и не очень трупы государственных преступников.

Хороший пост – возле трупов. Тихий, спокойный. Даром что слегка пованивает.

Труп в маленькой клетке шевельнулся, распрямляя скрюченные ноги, почерневшие от копоти и ожогов. Это больно, когда к пяткам подносят горящие факелы. Очень больно. Невыносимо больно.

«Труп» застонал – жалобно, утробно, идущим глубоко из груди стоном, но тихо, так тихо, что стон смог бы расслышать только тот, кто стоит почти вплотную к покрытой бурой ржавчиной и черными потеками клетке. И уж точно этот стон не услышат из стражницкой будки.

Через пять или десять минут «труп» сел, откинувшись на прутья решетки – широкие, чтобы желающие могли как следует приложить преступника брошенным камнем, но недостаточно широкие, чтобы арестант смог сквозь них просочиться. И толстые – даже если ты могуч, как бык, шансов разогнуть прутья нет никаких. Хотя какие шансы могут быть у покалеченных пытками людей, брошенных умирать в эти средоточия страданий? Из клетки выходят только в виде костей. И никак иначе.

Но «бывший труп» так не считал. Он поднял окровавленные, искалеченные руки, подвигал ими в воздухе, выписывая странные, прихотливые фигуры, и… что-то щелкнуло, негромко, но отчетливо – металлический звук, похожий на то, как если бы кто-то открыл замок ключом или отмычкой.

Это и был замок. Здоровенный, тот, что висел на клетке, отрезая для пленника дорогу на волю, тот, ключ к которому висел на здоровенной связке ключей от всех клеток на площади.

Рука пленника, ранее бывшего трупом, протянулась вперед, и замок медленно приподнялся, покинув свое ложе, в котором он собирался отдыхать долгие месяцы, а то и годы, пропитываясь запахом тлена. Дверца так же медленно, тихо растворилась и застыла в ночной мгле, посвистывая на ночном ветру ржавыми прутьями.

«Труп» подполз к краю клетки, перегнулся через порожек и перевалился через него, застонав, попытавшись повиснуть, вцепившись руками в прутья клетки. Левая, искалеченная, рука не выдержала, сломанные пальцы не желали работать как надо, распухшие, превратившиеся в раздавленные куски мяса, они не сработали, причинив их хозяину невероятную, мучительную боль, едва не лишившую сознания. Если бы не способность убирать болевые ощущения, если бы не многолетние тренировки, медитации, скорее всего, пленник так и остался бы лежать там, под клеткой, бесчувственным полутрупом дождавшись утреннего обхода стражи. Но нет – железная воля, управляющая искалеченным телом, погасила боль до терпимого уровня, и, когда распухшие ноги ударились в твердую булыжную мостовую, их хозяин был в ясном уме и твердой памяти. Ему

было больно, но он мог идти и мог думать.

Он шел два часа – по темным улицам, избегая центра города, освещенного масляными фонарями. Шел там, где не ходят благовоспитанные горожане, справедливо опасаясь ночной тьмы, наполненной страхом и злом.

Ему повезло, он не встретил ни стражников, хоть и редко, но забредавших в Нижний город, ни ловцов рабов, промышлявших на узких кривых улочках Старого города, ни грабителей.

Впрочем, не совсем так. Он видел тени в кустах и подворотнях, чутьем загнанного зверя чувствовал, что кто-то за ним следит, но поделать с этим ничего не мог, даже если бы и хотел. Все, на что его хватило – упорно брести к своей цели, пятная мостовую кровавыми отметинами и надеясь, что предутренний дождь, начавшийся вскоре после побега, смоет предательские следы.

Когда беглец подошел к искомому месту, начался ливень. Ледяные струи хлестали так, будто кто-то на небесах решил все-таки помочь беглецу и уничтожить малейшие следы его побега. С кожи, изувеченной ожогами, порезами и проколами, смыло бурую корку, обнажив иссиня-белую, некогда холеную, гладкую кожу.

Беглец не осматривал повреждения, нанесенные ему палачом, он запретил себе смотреть на это и думать об этом. Все потом. Будет время поплакать, будет время пожалеть себя – если только будет. Если он сумеет оторваться от погони, спрятаться, укрыться от неминучей смерти.

Он выбил дробь, постучав в закрытые ставни неприметного каменного дома, стоявшего в глухом переулке Старого города. Подождал ровно десять секунд и выбил новую дробь – похожую на первую, но не совсем. Покороче. Хотя и не менее сложную.

С минуту ничего не происходило. Беглец, устав ждать, тяжело привалился к стене возле входа и, опустив голову, внимательно следил одним глазом за тем, как по обрывкам ткани, свисающей у него с бедер, стекают бурые капли дождевой воды. Он держался из последних сил, на одной лишь железной воле и жажде. Жажде мести!

Наконец дверь тихо-тихо приоткрылась, не скрипнув, не звякнув, будто ветер вдруг подтолкнул ее невидимой рукой. Темная щель притягивала взгляд, обещая безопасность, тепло и будущее – неизвестное, страшное, но все-таки будущее. И беглец шагнул, едва удерживаясь в равновесии, опираясь на косяк более-менее здоровой рукой. И упал на руки невидимым хозяевам дома, потеряв сознание, оставившее измученное, покалеченное тело, стоило мозгу осознать пусть даже иллюзорную, такую хрупкую и невозможную, но безопасность.

– Ты готов говорить? – Человек с неприметным, незапоминающимся лицом сидел вполоборота к Ангусу, и тот вдруг подумал, что, даже если бы его пытали еще страшнее, чем раньше, он никогда не смог бы описать этого человека. Человека без лица, без возраста, без фигуры и даже пола! Человек мог быть мужчиной, мог женщиной – даже рост, и тот был непонятен, скрадываемый длинным плащом, свисающим до самого пола. Этакая темная фигура в темной комнате – тень в тени, мрак от мрака. Настоящая тень! Их так и звали – «тени». «Тени», приносящие смерть.

– Я готов! – прошепелявил гость. Говорить было трудно. Три дня – еще не срок, чтобы распухшая челюсть начала как следует двигаться. Да и сложно говорить без передних зубов, когда всю твою жизнь эти самые зубы были на месте. Белые, крепкие, способные с хрустом разгрызть самый крепкий орех и нежно прикусить розовый, сочный женский сосок. Его зубы.

– Итак, зачем ты к нам пришел, воспользовавшись данным тебе знанием?

– За помощью, конечно. – Боль прострелила щеку, и больной поморщился. – Вы же мне поможете?

– Почему? Почему мы должны тебе помогать? Зачем ты нам нужен? – Голос убийцы напомнил шепот инквизитора, и беглец невольно поморщился, едва не вздрогнув. Страшный шепот!

– Я вам помогал! Я готовил для вас яды! Я лечил ваших людей! Разве это не достаточный повод, чтобы мне помочь?

– Нет. Недостаточный. За свои услуги ты получал плату. Щедрую плату. Ты ничего не делал ради Братства просто так. Только за деньги. Теперь ты не у вершин власти. Теперь ты жалкий беглец, искалеченный, никому не нужный. Кроме императора, назначившего за твою поимку награду в двадцать золотых.

Беглец напрягся, незаметно и непроизвольно. Попытался заглянуть в глаза хозяину убежища, но не смог. Как и всегда. Наступило молчание. Но недолгое.

– Итак, что ты можешь предложить Братству? За свою жизнь? Хорошенько подумай, прежде чем ответить. Если Братство не удовлетворит твоя плата, ты умрешь.

– Выдадите меня императору? – хрипло спросил беглец.

– И это возможно. Двадцать золотых в помойке не валяются. Братству всегда нужны деньги. Двадцать же золотых – это хороший раб для Братства. Даже не один. Это еда, вино, лекарства. Много чего. Так что думай! Другого шанса у тебя не будет.

Снова молчание. Долгое. Не прерываемое ничем. Дом будто вымер. Кажется, здесь никого нет, кроме этих двоих – человека, обмотанного полосками ткани так, будто это тряпичная кукла, и «тени» в длинном бесформенном плаще. Ни одного звука с улицы – толстые каменные стены не пропускают совсем ничего. Возможно, эта комната находится под землей. По городу ходили легенды о подземных ходах, пронизывающих толщу земли. Говорили, что по этим ходам передвигались преступники и убийцы. Опять же по слухам, именно Братство, как называли свою организацию члены гильдии убийц, выкопало те самые подземные ходы. Что, по мнению Ангуса, было полной ерундой. Не те люди, чтобы, как кроты или дождевые черви, лазить под землей, прогрызая в ней ходы. Убийство – великое искусство, такое умение совсем не для землекопов.

– У меня есть деньги! – Нарушил молчание Ангус. – Не очень много, но есть! Их нужно только забрать! Они у доверенных лиц! Тысяча золотых!

Молчание. Долгое, трудное, когда хочется закричать, застонать: «Ну что же ты молчишь, негодяй! Скажи хоть что-нибудь! Не томи!»

– Что ты хочешь за эти деньги?

Едва сдержался, чтобы не выдохнуть – шумно, с облегчением. Начался торг, а это значит, что жертва принята! Если Братство заключает договор, оно всегда его выполняет. Чего бы это ни стоило. Об этом знают все. Все, кому нужно знать…

– Мне нужно место, где я могу отсидеться. Где смогу спокойно жить, не боясь, что меня найдут. Мне нужно жить!

Он сорвался на кашель и долго не мог успокоиться. Собеседник терпеливо ждал.

– Всем нужно жить… но не все могут! – прошелестел бесплотный голос. – Кроме денег, что ты можешь предложить? Деньги нас интересуют, но не настолько, как ты думаешь.

– Мою лояльность! Я не выдал вас под пытками, хотя и мог! Не сказал о вас ни слова! Я могу делать вам яды! Готовить снадобья! Я знаю такие яды, о которых даже вы не слышали! Умею готовить снадобья, запрещенные гильдией магов! Никто, кроме меня, этого не умеет! Никто!

– А ты готов обучить этому знанию нас? – Ангусу показалось, что голос стал вкрадчивым. Или только показалось?

– Вас?! – Ангус запнулся, едва не раскашлялся, но подавил желание. – А если я обучу вас, зачем тогда буду нужен? Я готов делать для вас снадобья и яды – за… за… половину той цены, что брал всегда!

– Этого мало. Что еще ты можешь предложить?

– Больше у меня ничего нет! – выдохнул, чувствуя, как горло стягивает горечь ярости и досады. – Больше ничего! Кроме денег и умения!

– Хорошо. Я выслушал тебя. Братство скажет тебе свое решение.

– Когда? – хрипло, будто каркнул.

– Когда наступит время. А пока – отдыхай, набирайся сил. Лекаря пригласить к тебе не могу – ты понимаешь почему. Мы не можем подвергнуть опасности Братство, не говоря уж о том, что, вероятно, ты сам не хочешь попасть под неприятности. Все лекари в городе предупреждены, и стоит воспользоваться их услугами – сразу же об этом будет известно инквизиции. Все, что можем, это дать тебе снадобья и мази. Ты сам лекарь, лечись.

«Тень» бесшумно поднялся со стула, подошел к двери. Уже в дверях он застыл и стоял молча секунды две, затем добавил:

– Мне думается, Братство примет твое предложение, лекарь Ангус. Но только…

– Что «только»?! – Ангус не выдержал паузы, голос его сорвался. – Что еще вы хотите?

– Только ты все равно должен будешь обучить наших людей искусству отравителя. Без этого твое предложение не будет принято. У нас и так хватает проблем с императором, чтобы навешивать на себя еще и помощь такому преступнику, как ты. Неужели ты так мало ценишь свою жизнь, что торгуешься даже сейчас?! Такое искусство не должно пропасть. И нам не нужны твои деньги. Мы и сами не бедны. Гораздо нужнее твое умение. И не нужно опасаться, что тебя обманут, – уж ты-то знаешь, насколько мы держим наше слово. Слово Братства – золото. И оно им не разбрасывается. Будешь служить нам – будешь жить.

– Подожди! – Ангус рванулся с топчана, застонал от боли, но спустил ноги на пол. – Скажи, почему вы не уничтожите императора?! Он ведь загнал вас в подполье! Он не дает вам жить! Неужели вы, такие умелые… не можете его уничтожить? Убейте его! И я буду служить вам столько, сколько вы захотите и как захотите!

Смешок – тихий, почти неслышный. Но голос ничуть не наполнился эмоциями, такой же сухой и безжизненный, как песок пустыни.

– Ты и так будешь нам служить – если хочешь жить. Твои… хм… разногласия с императором – это твои проблемы. А что касается нас… императоры приходят и уходят. Братство остается. Мы не будем убивать императора – даже если бы и смогли это сделать. Это против устава Братства. Императорская особа

неприкосновенна. Как и его семья. Мы не принимаем заказы на особ императорской семьи. Хотя и не защищаем его, если кто-то со стороны попробует убить императора… Да, нынешний император нам слегка мешает. Но это ничего не значит. Совсем ничего. Итак, твое последнее слово – согласен ли ты на те условия, что предложило тебе Братство?

– Согласен! – выдохнул Ангус, опустошенный, выжатый как лимон. На него с новой силой навалилась боль, она рвала плоть, лишала разума, и ему хотелось сейчас же отпить из небольшого кувшинчика, в котором хранилось обезболивающее средство. Нехорошее средство. Привыкнешь – потом отвыкнуть трудно. Практически невозможно. Но если его не принимать – умрешь от боли! Никакая воля не поможет терпеть боль сутками напролет. Ни один человек в мире неспособен выдержать такое. Даже он, Ангус.

Он не помнил, сколько времени сидел в подвале. Да, это был подвал, Ангус в этом уверен. Прохладно, невероятно тихо, и… ну… возникает ощущение, что находишься под землей. Уточнять он не стал. Да и возможности уточнить не было. У кого спрашивать? У тех, кто приносил ему еду, питье, выносил ведро с нечистотами? Они не обращали на то ли гостя, то ли пленника совершенно никакого внимания и не отвечали ни на какие вопросы. Даже демонстративно не замечали его, обходя по дуге, как стол или стул.

Когда Ангус начал отмечать дни, прошло уже с неделю или больше. Он делал зарубки-царапины на дереве топчана, их в конце концов скопилось около тридцати. Почему около? Потому что он иногда забывал ставить отметки. Или просто не хотел, страдая от боли и жалости к себе, несчастному.

А боли было предостаточно. Болели сломанные пальцы, болели челюсть и отбитые внутренности, сломанный нос – такой красивый когда-то, а теперь превратившийся в кривой кусок мяса. Одна радость – правая рука оказалась почти нетронутой, если не считать многочисленных ожогов и порезов. Что порезы, что ожоги! Целы суставы, целы кости, а значит, он может кое-как колдовать, а еще – держать меч! Хоть Ангус был и обоеручным бойцом, но все-таки правшой. Потому правой рукой он управлялся с мечом чуть-чуть, самую малость, но эффективнее.

Ангус мог лечить себя. Глупо даже предположить, что его знания лекаря куда-то испарились, но… была одна большая проблема. Просто гигантская проблема! Он практически не мог применить свое магическое искусство.

Беда всех лекарей-магов. Эти люди могли едва ли не поднимать покойников из могил, если в тех хоть чуть-чуть теплилась жизнь. Могли лечить практически любые болезни, отращивать конечности, продлевать жизнь настолько долго, что это казалось досужими выдумками. Могли. Но только не свою жизнь.

Магия прилагалась только к кому-то или чему-то стороннему, и никак иначе. Это закон Мироздания. Так установили боги. Можно вылечить чужого, но нельзя вылечить себя. И никто не знает почему. Над этой проблемой тысячи лет бились сотни лучших умов магического сообщества, были написаны сотни трактатов, проведены тысячи исследований – безрезультатно. Никакие опыты, никакие эксперименты не дали искомого результата. Лечи других, но только не себя.

Потому в гильдии магов выработалось такое понятие, как «дружеское лечение». Каждый из магов мог потребовать лечения от гильдии, и гильдия обязана была предоставить возможность поправить здоровье или продлить жизнь. По очереди каждый из членов гильдии должен был участвовать в «дружеском лечении», безвозмездно, по первому требованию. И участвовал. Даже Ангус, императорский лекарь не менее десятка раз лечил заболевших коллег, пользуясь своей магической силой. Никто не мог отказаться от почетной обязанности члена гильдии, да и не хотел. В противном случае он терял свое право на «дружеское лечение» и мог в скором времени покинуть этот мир навсегда.

Лекарь в своей практике сталкивается со многими, очень многими болезнями, некоторые из них невероятно заразны. И лекарь не защищен от заражения – как и обычные люди. Но у него за спиной всегда стоит гильдия, не дающая своего мага на растерзание черной чуме или желтой лихорадке. Любой член гильдии, находящийся в пределах доступности, никогда не откажет собрату в помощи.

Ангус сморщился, неловко повернувшись, задумался, вспоминая. Как он испугался, когда впервые в нем всколыхнулась магия! Ему тогда было всего семь лет. И он тогда едва не спалил весь дом.

Отец нанял учителя, который обучал молодого дворянина грамоте. И этому самому дворянину так не хотелось сидеть за столом – когда на улице солнце, ветер, птички поют! Когда можно купаться в ручье, бегать по лесу! Воровать плюшки с кухни, проскальзывая под боком у неповоротливой, толстой кухарки Хендры! Да мало ли удовольствий, что может обрести шустрый мальчишка семи лет от роду, не задумывающийся о своем будущем, о том, кем он станет и кем хотел бы стать! Есть отец, мать, есть прекрасная жизнь, которая никогда, никогда не закончится – пока есть солнце, ветер и ручей, несущий свои воды к морю, пахнущему дальними странствиями и корабельной смолой! Хорошо! Ох как хорошо! И было бы еще лучше – если бы не было проклятого учебника грамматики, отравляющего жизнь молодого дворянина.

И учебник вспыхнул. Запылал так, что столб пламени поднялся к самому потолку! Занялись занавески, старинный гобелен, и, если бы не слуги, успевшие потушить полыхающую стену, от дома остались бы одни головешки.

Ангус сам не ожидал такого безобразия, и, когда отец учинил допрос, долго не сознавался, что это его рук дело. Рук ли? Где гнездится магия? Откуда она берется? Как волшебник творит свое волшебство? Этого Ангус не знал и по сей день. И никто не знает, что такое магия и откуда она берется. И почему в одних людях она проявляется, в других – нет.

И кстати, как ни странно, чаще всего магия появляется в семьях аристократов. Почему – не знает никто. Восемьдесят процентов магов – из знатных семей. Остальные двадцать процентов – простолюдины.

Вероятно, этому можно дать какое-нибудь логичное объяснение. Например, такое: вначале люди были все равны. Но среди них появились те, кто обладал магией. Маги быстро богатели, продавая свои услуги или пользуясь магией для завоевания власти, а раз у них было богатство, значит, и средства, чтобы защитить свою семью и выжить – на войне ли, в голод или во время природных катастроф. Эти аристократы жили, давали потомство, в котором снова появлялись маги. Маги женились на магинях, семьи аристократов роднились, чтобы снова дать магов. Вот и получилось так, что больше всего магов рождалось в семьях аристократов. По-другому и быть не могло.

Ангуса отвезли в гильдию магов, и на том его детство закончилось. Вначале Школа магов, затем – академия. И вот теперь он здесь, в подвале, больной, измученный, несчастный. Принесла ли ему магия счастье? Глупый вопрос…

Хотя… без магии он не забрался бы так высоко и, упав с высоты, не смог бы спастись. Кстати сказать, на его месте мало кто сумел бы спастись. Заклинание размыкания давным-давно утеряно, и прочитал он о нем в старой, очень старой книге. В той самой, что рассказывала о запретной магии.

Запретная магия… ох уж эти запреты! Ну что такого запретного в любовной магии?! Что плохого, если некая женщина наденет любовный амулет и соблазнит мужчину?! Ладно яды. Это понятно. Умение приготовить яд, который не оставит следов, который создаст впечатление, что человек умер от естественных причин, на самом деле очень опасно. И без магии такие яды не сделаешь. Определенные травы, с обработкой заклинаниями – вот тебе и смертоносный, но совершенно не имеющий вкуса, цвета и запаха яд, убивающий так же верно, как меч или копье! И при всем при том любой лекарь скажет, что человек умер от разрыва сердца или от закупорки сосудов! Великолепные яды. И умеет их делать только он, Ангус! Пока – только он.

Пока… а что будет, когда научит других? Только вот как он их научит? Кого? Можно научить составлять снадобья, основу яда. Но как человека, не способного к магии, научить обрабатывать это снадобье заклинанием?! Для него заклинание – просто набор букв и звуков, и ничего больше!

Впрочем, наверняка к нему пришлют человека, владеющего магией. Ведь все прекрасно понимают, что без магии тут никуда! Но и в этом случае – не все маги-лекари смогут использовать нужные заклинания! Чтобы Ангус сумел загрузить в мозг эти самые заклинания, ему пришлось пройти огромную, просто безумную тренировку – годы и годы тренировок! Вначале самые легкие, самые слабые заклинания – поджечь свечу, погасить свечу. Сдвинуть камешек. Вскипятить воду в ложке. Потом сложнее, еще сложнее, еще! Каждое заклинание приходилось загружать в мозг сотни, тысячи раз – пока оно не впечатывалось так, что вызывалось мгновенно, по первому требованию.

Когда впервые загрузил заклинание… вернее, когда оно загрузилось в мозг, это было что-то вроде удара. Бах! Искры из глаз, боль, жжение – как если бы в мозг сунули раскаленную иглу, и… наслаждение. Огромное наслаждение! Нет, не как от секса – но близко к тому. Близко.

Никто так и не понял, почему одни заклинания впечатываются в мозг, другие – нет. Одни маги могут лечить, другие – нет. И даже среди тех, кто может лечить,

есть определенное разделение по умениям или, вернее, по способностям. Например, одни лучше всего сращивают раны, другие заклинают болезни, третьи, самые сильные, отращивают пациенту утраченные конечности и даже – но это совсем редкие! – омолаживают.

Ангус был разносторонним лекарем. Он одинаково умело лечил раны и заклинал самые страшные болезни, даже желтую лихорадку, он выращивал конечности и заклинал снадобья. Именно поэтому, и только поэтому, его некогда приняли в десятку имперских лекарей. Да, без протекции одной знатной дамы ему бы никогда не стать придворным лекарем, но… если бы он не был так талантлив, так умен, так разносторонне обучен – не смог бы продержаться на месте придворного лекаря и пары недель. Однако лучше всего он все-таки умел заклинать лекарства и амулеты. В этом ему не было равных. Его снадобья действовали сильнее, дольше, вылечивали эффективнее. Яды травили сильнее и коварнее. Вероятно, не было в империи лучшего, чем Ангус, заклинателя снадобий! По крайней мере, он сам такого не знал.

Император, который кроме жен и наложниц имел еще и постоянно меняющихся любовниц, не раз прибегал к помощи Ангуса в деле восстановления мужской потенции. С этим у него была проблема, и немалая. Фарнское золотистое, которое император пил за завтраком, за обедом, за ужином и вообще вместо воды, не располагало к могучей потенции. Вино вообще никогда не было другом здоровья. И если бы не лекари, император давно допился бы до смертного ложа и лежал бы сейчас в семейной усыпальнице, залитый медом и бальзамирующим снадобьем.

Да, лекари могут многое. Кроме женитьбы на особах из императорской семьи.

Ангус скрипнул зубами и задохнулся от ненависти. Перед глазами всплыло лицо императора – тот не погнушался сам прийти в пыточную, чтобы посмотреть, как пытают его личного лекаря! И не освободил его! И это после того, как Ангус прибегал по первому требованию, готовил лучшие снадобья, вытаскивающие из похмелья, из запоя, после того, как много лет служил императору, отдав служению лучшие годы своей жизни?! И между прочим, род Ангуса – очень древний род! Древнее, чем род императора! И что с того, что предки нынешнего правителя империи умудрились захватить трон, а предки Ангуса не смогли?! Мразь! Ну какая мразь!

«Как ты посмел коснуться своими грязными лапами моей дочери, низкородный?! Урод!» Это он, Ангус, низкородный урод?! Да как язык повернулся у этого брюхатого?! Он на себя бы посмотрел в зеркало! Вот кто урод так урод! Низенький, волосатый, брюхо толстое – жрет и жрет, пьет и пьет! И он про «урода» – Ангусу?! Высокому, мускулистому, любимцу женщин?! Проклятая обезьяна! Ох, как Ангус его ненавидел! Всей своей душой! Всем своим покалеченным, обожженным, изрезанным, избитым телом!

Интересно, что император сделает с дочерью? Не казнит, тут сомнения никакого. Это же императорская дочь! Да и в любом случае она ни при чем. А девочка-то хорошая. Он ее вроде даже любил. Наверное.

Любил… м-да. Отлюбился. Выжгли все. Теперь он, Ангус, и не женщина, и не мужчина. Непонятно кто! Гады! Ну какие гады! Ничего… когда-нибудь они пожалеют, что так с ним поступили! Всех, всех найдет и накажет! Страшно накажет!

Император – первый! Инквизиторы. Палач. Стражники, что его арестовали, а потом избивали, беспомощного! Всех, всех он запомнил! Память, и раньше очень емкая, умелая, со временем стала абсолютной. Что вообще-то было немудрено – попробуй-ка запомни десятки, сотни заклинаний! Запомни тысячи ингредиентов для снадобий! Простой человек не сможет этого сделать никогда и ни за что. Да и маг – только после приема специальных лекарств. Если знает, как их сделать.

Ангус знал. Древние знания, запретная магия – и какой дурак ее запретил?! Впрочем, ясно какой. Императорская семейка! Тупые твари! Решил один из тупоголовых императоров, что некие разделы колдовства суть черная магия, – и все! Конец науке!

Идиоты…

Ангус стал бы хорошим императором. Лучшим императором в истории! Он умнее, образованнее всех этих дураков, волею судьбы вознесенных на самый верх лестницы власти. Он, Ангус, величайший маг, величайший лекарь этого времени, он был бы величайшим императором! Если бы бездарности не подстрелили его на лету, в двух шагах от цели. Проклятые твари!

Бессильно откинулся на подушку, тяжело задышал, превозмогая боль. Мазь помогает, но не так, как помог бы лекарь. Но тут уже выбирать – или жизнь, или боль. Лекарь обязательно донесет, что в этом доме скрывается беглый преступник. Если только завязать ему глаза… м-да. Кому это надо? Братство никогда не пойдет на такой риск. Бессмысленный риск. Жизни его сейчас ничего не угрожает, а вот если вызвать лекаря – точно будет угрожать. А потому никто и пальцем не пошевелит, чтобы решить проблему. И бесполезно говорить, что чем дольше от момента нанесения раны, тем труднее потом будет вылечить. А иногда – даже невозможно.

Ангус протянул руку, взял со столика кувшин с болеутоляющим питьем, отпил пару глотков, морщась, дергая кадыком. Подержал кувшин в руках, вдыхая сладковатый запах пряностей, снова приложил кувшин к губам и стал пить, плотно прикрыв глаза. Допив, аккуратно поставил сосуд на столик, лег на подушку и стал ждать действия лекарства. Оно не заставило себя долго ждать. Скоро лицо больного просветлело, губы сложились в подобие улыбки, глаза закатились – на мозг навалился дурман снадобья. Отступила боль, мягкое забытье ухватило факел сознания теплыми, нежными руками, и Ангус провалился в спасительный сон, без сновидений и чувств.

– Он согласился.

– А куда бы он делся? – Тихий смешок. Недолгое молчание. – Где собираешься его поселить?

– В Ангоре. Большой город, но на окраине, возле Падрагской степи. До столицы даже по морю неделю плыть.

– Это если на «купце». А на почтовом судне – в два раза быстрее.

– Не важно. На окраине все проще. И стража не так глазаста, и инквизиторы не так свирепы. Общая опасность объединяет.

– Степняки?

– Они. Время от времени набегают. Император даже велел усилить гарнизон, туда отправился семнадцатый полк. Говорят, грядет большая война.

– Не надо нам войны. Войны всегда мешают работе. Искусство убийства на войне превращается в тупую бойню. Никакой красоты, никакой выдумки. Тупое пыхтящее стадо черни, тыкающее друг друга острыми палками. Что может быть отвратительнее этого зрелища?

– М-да… в общем, поселим Ангуса там, где-нибудь на окраине. Пусть делает яды, учит наших людей и… и не рыпается. Сидит спокойно и работает.

– Он сильный маг. И сильный человек. Сидеть просто так не будет. Он полон жажды мести. Уверен, пройдет время, Ангус встанет на ноги и начнет строить планы того, как бы ему отомстить. Планы скорее всего дурацкие, он обязательно попадется и… сдаст нас.

– В первый раз не сдал, а теперь сдаст?

– В первый раз он был здоровым, сильным мужчиной. Теперь он искалеченный, жалкий кастрат. И душа его искалечена не менее, чем тело.

– Мы будем за ним наблюдать. Не позволим сделать опрометчивый шаг.

– Ну-ну… ответственность лежит на тебе, Красный Веер. Смотри не ошибись!

– Надеюсь, не ошибусь, мой господин Черный Дракон. Разве было так, чтобы я ошибся?

– До сих пор – нет. Потому я тебя и возвысил до Красного Веера. Но эта твоя нынешняя авантюра меня волнует. Бессмысленный риск – это не в духе Братства.

– Риска ничуть не больше, чем обычно. Лиц наших он все равно не видел, место, где сейчас находится, не знает. Тот дом, куда он пришел после побега, мы уже продали. Нить оборвана. Но в случае необходимости мы всегда сможем его выгодно продать. Не всегда ведь Братство будет в изгнании! Я веду работу по выходу на свет, ты ведь знаешь, мой господин. Капля камни разрушает, так и

тут – в конце концов мы найдем подход к императору, убедим его, что лояльны трону и не представляем для него никакой опасности. И вот тогда, в знак нашей доброй воли, мы преподнесем Ангуса! Государственного преступника! Случайно убитого во время задержания. Капля в море, да, но… она может перевесить все аргументы.

– Я не верю, что ты сможешь убедить императора, – собеседник медленно помотал головой, – он настолько упрям, что это даже неприлично. Думающий человек не может так долго, так яростно придерживаться догм, не пытаясь вникнуть в содержание.

– Мы ничего не теряем, мой господин! Не получится – ну и пусть себе живет этот маг, пусть работает на Братство до самой смерти. Теперь ему деваться некуда, кроме как работать на нас или отправиться на тот свет.

– Хорошее выражение – «на тот свет», – вздохнул собеседник. – Лучше было бы с него и начать. Ну да ладно, посмотрим, что из этого выйдет. А яды нам и правда нужны. У него великолепные яды! Жаль, что у нас не сохранились рецепты подобных. Да и лекарь он великолепный. Хотя нам его услуги – как лекаря – и не нужны. Лекаря к нему не приглашай. Пусть сам себя лечит – как может. Не может себя лечить – его проблемы. Деньги мы его забирать не будем. Но и платить за яды будем не так, как обычно. Хватит с него и обычной платы травнику.

– Может, вообще не платить? Пусть отрабатывает свое спасение…

– Нет. Должна быть видимость деловых отношений. Мы получаем товар – платим деньги. Тем более что ему же нужно на что-то покупать составляющие для ядов и снадобий? Эдак ему и купить не на что будет. Хотя, конечно, мы могли бы и давать ему их – по запросу. Хм… возможно, так и поступим. Ну и плюс небольшую плату за работу. Обдумай это. Кто у нас руководит отделением Братства Ангора?

– Ты же знаешь, господин… Белый Веер Ангорского отделения – Салар Занд. У него в подчинении четыре «звезды». Итого – двадцать один человек.

– Проблемы с ним были? С Зандом? Как служит?

– Хорошо служит. Отчисления исправно идут в казну Братства – как и положено, пятьдесят процентов. Заказов не очень много, но есть. Хорошо идет легальный бизнес – две харчевни, публичный дом, мастерские по ремонту и изготовлению оружия, несколько лавок – во главе члены Братства, все работает, приносит хороший доход. Деньги Братства, вложенные в это дело, не пропали даром. У Занда талант купца.

– И убийцы.

– И убийцы, мой господин. Он один из лучших, ты знаешь.

– Да что ты заладил – «знаешь, знаешь»?! Какая разница – знаю я или нет? Спросил – отвечай! Вот что тебе нужно знать!

– Прости, господин…

Молчание. Тишина. За столом, в полумраке, две «тени». Лиц не видно, широкие плащи скрывают и фигуры. В комнате только стол и два стула – больше ничего.

– Как ты видишь развитие отношений с беглецом? Что он будет делать? Как жить?

– Лекарем ему не быть, однозначно. Сразу вычислят. И Ангус это понимает. Деньги у него есть, и приличные. Сможет долго и практически безбедно жить на эти накопления. Ну и мы будем подбрасывать – за работу. Хижину ему купим за чертой города. Где-нибудь в лесу. Там есть укромные места. Первое время будет сидеть безвылазно – с год, не меньше. Будем привозить ему еду и все, что нужно. За его деньги, разумеется. Потом пускай сам ходит. Ну вот… и все. Следим, сбежать не позволим. Ах да! Ученика я ему подберу из числа наших магов.

– Двух учеников. И пусть они живут у него – учатся и обслуживают.

– Хорошо, повинуюсь, мой господин Черный Дракон. Так и сделаем.

– Хижина за городской чертой – разве это не опасно в пограничном городе? А если набегут степняки? Он нам еще нужен, не забывай.

– Зачем им лезть в гору, в густой лес? Степняк даже испражняется с лошади, на ходу! А где лошадь не пройдет, там ему делать нечего. Наоборот – будет безопаснее за городской чертой! Вдруг набег – так они пойдут на жирный, сытый город. Зачем им одинокая хижина где-то в горах, в лесу? Нет, там все безопасно. Кроме того, с ним будут двое наших, из Братства, а они стоят каждый десяти степняков.

– Одновременно и телохранители, и тюремщики… – задумчиво протянул старший.

– Именно так. Я все продумал. Через неделю, когда Ангус окрепнет, отправим его с нашими людьми – по морю. Так надежнее. Запакуем в ящик, и пусть себе плывет.

– А как же он получит свои деньги? Где они вообще лежат?

– У доверенного лица Ангуса. Он уже написал записку, приложил отпечаток ауры – говорит, что деньги отдадут по первому требованию, за вычетом пяти процентов за хранение.

– Хорошо. Я вижу, что у тебя все продумано. Иди, действуй!

Красный Веер медленно поднялся, поклонился господину, и тот коротко, легонько кивнул. Когда дверь за подчиненным закрылась, Черный Дракон откинул капюшон, ставший таким привычным за долгие, очень долгие годы службы Братству, и облегченно откинулся на спинку стула.

Он был уже немолод, глава так называемой гильдии убийц. Неопределенный возраст – далеко за пятьдесят, это без сомнения. Худое, жесткое лицо с глубоко проваленными глазами. Точные, выверенные движения бойца, отточенные за десятки лет тренировок с мечом, копьем, шестом и со всем, что может послужить в качестве оружия, про которое Черный Дракон знал все, что можно вообще знать. Успешный купец, уважаемый человек, дворянин из одного из слабых, захиревших родов, он прошел длинный путь от рядового члена Братства до высшей его должности – Черного Дракона. Он пришел в Братство нищим, голодным мальчишкой. И Братство приняло его, дав пищу, крышу над головой и убеждение, что миром правит Сила.

Гильдия убийц! Бред! И еще раз – бред! Ну да, Братство принимало и принимает заказы на убийство и что из этого? А что, гильдия наемников не принимает заказов на убийства?! Отправиться убивать по приказу нанимателя – ЭТО не убийство? И что с того, что Братство исполняет заказ тихо, без шума и лязга клинков (хотя и такое бывает), а наемники убивают открыто, вопя, как стадо обезьян?! И после этого Братство – «убийцы», а наемники – солдаты?! Идиоты, ну какие идиоты!

Когда-то Братство основали четверо отцов-основателей, чтобы бороться с захватчиками. И только потом Братство стало делать то, что должно делать – поддерживать членов Братства. Помогать им. Ну и зарабатывать деньги тем, что умеет делать лучше всего.

Братству уже несколько тысяч лет, и оно живет и здравствует, хотя сейчас его загнали в подполье. Но это все временно. Императоры не вечны. Вечно только Братство. И вечна Сила.

Черный Дракон вздохнул, снова накинул капюшон и, нажав неприметный рычажок сбоку стола, вышел в открывшуюся потайную дверь. Он не хотел идти тем путем, каким пришел, – многолетняя привычка, не раз спасавшая ему жизнь. Пора превращаться в добропорядочного горожанина. На время. Впрочем, он сам уже не знал, где его настоящая жизнь – в Братстве или на свету.

Глава 2

Когда ты искалечен, когда тебе больно и плохо – ты не хочешь просыпаться, не хочешь возвращаться в мир. Сны, в которых твои ноги так же, как и раньше, стройны, красивы, сны, в которых ты бежишь по траве под ясным солнцем, легкий, невесомый, как мотылек, – хочется остаться в этих снах навсегда. Зачем тебе это больное тело? Зачем страдания, истязающие тело и душу? Спи вечным сном, и пусть мир пожрет сам себя! Злобный, жестокий мир, которому плевать на тебя и который не трогают ничьи горючие слезы!

Ангус давно подозревал, что миром правит Темный. Создатель то ли удалился от дел, то ли Темный и Создатель суть одно и то же. Если Создатель всемогущ и всеведущ – так зачем он попускает Зло? Почему он позволяет существовать

Темному? И Ангус знал почему. Потому что Создатель и есть Темный. Только кого-то он жалеет, стоит к нему светлой стороной, а кого-то не любит – оборачивается темной личиной. Един в двух ипостасях – Темный и Светлый бог.

Иерганская ересь – так ее называли храмовники. Инквизиторы искореняли эту ересь огнем и мечом. И эту ересь тоже поставили в вину Ангусу. Кстати сказать, совсем не беспочвенно, хотя он никогда и нигде не говорил, что привержен Иерганской ереси, названной по имени ее адепта, некогда сожженного на костре за свои разлагающие веру проповеди.

Иерган был священником в Ангоре, куда скоро отправится Ангус. Некогда Ангор взяли приступом и разграбили дикие степные племена, пришедшие из Падрагской степи, и настоятель тамошнего храма Создателя Иерган, насмотревшись на творимые жестокими дикарями бесчеловечные деяния, вдруг понял – миром правит Темный. И понес это знание в народ. За что и поплатился.

Ангус не строил иллюзий. Жизнь его закончена, впереди – беспросветная тьма. Он никогда не станет богат, известен, он никогда не сможет жить открыто, прячась под чужой личиной (Ангус даже отрастил бороду, чего не делал никогда). Ему теперь нельзя будет завести семью, детей. Покрытый шрамами и ожогами калека – вот кто он такой. И если Ангус еще живет, то только потому, что раз и навсегда взял себе одно правило, которое выполнял неукоснительно, чего бы это ему ни стоило: «Ангус не сдается!»

Есть такая пословица: «Месть – это блюдо, которое нужно подавать холодным». И это то блюдо, ради которого стоит жить, – так решил для себя Ангус. Не важно, что инквизиторы пытали его по должностной обязанности – они делали это. Не важно, что пытать заключенных – это всего лишь работа палача. Он пытал Ангуса, а значит, должен умереть.

Взвод гвардейцев – он всех их знает по именам. Всех! И они должны умереть. Все! Все, кто приложил руку к беде, навалившейся на Ангуса.

И в первую очередь – император. Это он позволил пытать своего лекаря! Это он опозорил и обесчестил своего бывшего первого лекаря! Руками своих подчиненных, разумеется, – но все сделал ОН!

Список тех, кто должен умереть, не очень велик, но… как до них добраться? Впрочем, зачем сейчас об этом думать? Сейчас нужно думать о том, чтобы убраться из столицы, а еще – как восстановить здоровье. И это самое главное – здоровье.

Ангус трясущейся рукой взял со столика кружку с болеутоляющим снадобьем, отхлебнул. Горько, но ему уже нравился этот вкус. Очень нравился. И это плохо. Но и отказаться от наркотика не было сил. Позже. Вот заживут раны и откажется!

Подождал и с облегчением вздохнул – боль начала отступать, стала тупой, не дергающей, шипучей и злой. Теперь можно жить.

– Ты слишком много пьешь этой дряни…

Шелестящий голос заставил вскинуться, разомкнуть слипающиеся веки. «Тень»! Так тихо вошел, что и мыши бы не услышали! Как кот!

Или это Ангус уснул? После снадобья?

– Вам-то какое дело, сколько я пью? – скривился и демонстративно отхлебнул из кружки. – Мне нужно, вот и пью!

– Не забывай, ты теперь наш человек. Нужный нам человек. И пока нам нужен, не имеешь права портить свои мозги этой дрянью. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил с горечью, злостью. – Я теперь ваша собственность. Вложение капитала, так сказать!

– Можно сказать и так, – собеседник проговорил равнодушно, без эмоций. – Сейчас ты пойдешь за мной. Тебе приготовлен ящик, в котором есть все необходимое. В ящике просверлены дыры, чтобы к тебе шел воздух. В нем есть еда, питье, есть сосуд для испражнений. Придется пробыть в ящике около недели, так что рассчитывай запасы еды и питья. Собери нужные снадобья, и кстати – в этом случае, возможно, лучше, чтобы ты всю дорогу спал. Так что можешь глотать свое снадобье столько, сколько захочешь. На месте, когда прибудешь, ты полностью исключишь его из рациона.

– А если не исключу?! – Будто Темный толкает в ребро, заставляет противоречить. Впрочем, можно сказать и так, ведь все наркотики от Темного.

– А если не исключишь, то отправишься прямиком в пыточную камеру к мастеру Ниуму. Нам наркоманы не нужны.

– Мне нужно оружие! – окрепшим голосом, твердо произнес Ангус.

– Зачем? Тебе не нужно оружие. Твое оружие – мозг и твои яды.

– Мне нужно оружие, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств суметь себя защитить или покончить с собой. А на месте – я буду тренироваться с мечом, так как занятия единоборствами дают крепость телу и развивают мозг. Мне нужно восстановить мою былую форму – насколько это возможно.

– Хорошо. Тебе дадут нож, а когда окажешься на месте, любое оружие, какое захочешь. Чтобы ты мог тренироваться. И в случае необходимости защитить себя. Шанс, что степняки появятся у тебя дома, очень невелик, но… все бывает. Собирайся.

Насчет снадобья – это был правильный совет. Если бы не снадобье, неизвестно, смог бы Ангус выдержать путешествие. Ящик был довольно большим, чистым и даже оборудован всем, что необходимо, начиная от матраса и заканчивая большим ведром с плотно закрывающейся крышкой. Вполне комфортное «жилище», в котором можно было вытянуть ноги и лечь во весь рост. Но… это только на первый взгляд – комфортное. Ящик, как и другие ящики, подобные этому, укрепили на палубе купеческого корабля – здоровенной лохани, грузно переваливающейся через морские волны. Возможно, что, если бы ящик опустили в трюм, переносить качку было бы легче – палубный груз немилосердно раскачивало, отчего у Ангуса кишки норовили выскочить через глотку.

Но хуже всего была жара – удушающая, жгучая, ощущение было таким, как если бы Ангуса сунули в духовку и норовят вытопить из него лишний жир. Пот заливает глаза, кожу жжет, болят не совсем еще зарубцевавшиеся раны – пытка! Самая настоящая пытка! Какая там еда – только пить, пить и пить! И такими темпами воды не хватит надолго, это уж точно.

И вот тогда Ангус дрожащими от нетерпения руками развел в воде хорошую порцию снадобья – впятеро больше, чем нужно для снятия боли, – и выпил, предвкушая освобождение от мук. И провалился в забытье.

А потом так и было – просыпается, разводит новую порцию снотворного, выпивает, и… темнота. Никаких ощущений, никаких впечатлений – только терпкий вкус снадобья, ставший уже привычным и желанным, и темный полог забытья – спасительного и… сладкого.

Не проснулся даже тогда, когда ящик выносили с корабля и грузили на телегу извозчика.

Очнулся то ли от холода, то ли от дикой головной боли, разрывающей голову так, будто кто-то сунул в затылок нож и теперь медленно его поворачивал, норовя причинить как можно больше страданий. Ангус глухо застонал и открыл глаза, пытаясь понять, что с ним и где он находится.

Темнота. Но это не ящик, не пропускающий свет, – достаточно лишь поднять руку, чтобы понять. В ящике она сразу бы уперлась в занозчатое дерево досок. Уж он-то знает, как это бывает! Когда над головой неструганые доски, воняет потом и дерьмом! Собственным дерьмом!

Идиоты – дали ведро с крышкой, а кто-нибудь задумался о том, как он будет делать ЭТО, если ящик плоский и в нем нельзя сесть?! Вот, казалось бы, Братство – организация с многотысячелетней историей, выживавшая в любых условиях, состоящая из совершенных убийц, продумывавших все и вся! И тут такая простая вещь, и вот – полная глупость!

Хм… а может, не глупость? Может, способ поставить его на место? Чтобы знал, кто он такой? Несчастный беглец, утопающий в собственном дерьме? С них станется! Мерзавцы! Ох, как болит голова…

– Голова болит? – Незнакомый голос, не шелестящий, как у инквизиторов и убийц из Братства, просто голос человека средних лет. Ангус попытался разглядеть незнакомца, но увидел лишь темную фигуру возле окна. Из окна, неплотно занавешенного длинной портьерой, падал рассеянный свет красной луны, ничуть не помогающий осмотреть комнату.

– Болит… – хрипло отозвался Ангус. И добавил, чувствуя, как кровь бьется в затылок, норовя разорвать его на части и забрызгать пространство в радиусе трех шагов: – Дайте мне снап.

– Не будет снапа, – не повышая голоса, ответила темная фигура. – Теперь снап для тебя под запретом. Навсегда. По крайней мере, пока ты работаешь с нами. Возьми другое болеутоляющее и полечись. Ты же лекарь, в конце-то концов.

– Ты кто? – собравшись с силами, зло спросил Ангус. – Какое право имеешь командовать?! Немедленно дай мне снап!

– Нет. Ты не получишь снап, – снова ответил незнакомец, не отреагировав на вспышку собеседника. – Я глава филиала Братства. Я здесь старший. Имя мое тебе не нужно и даже вредно. Вредно для здоровья и самой жизни, – послышался тихий смешок. – Сейчас ты находишься в доме, где будешь проживать. Здесь ты проведешь годы, обучая наших людей, – согласно договоренности. Твои ученики будут одновременно и твоими телохранителями.

– И тюремщиками?! – зло, будто сплюнул, буркнул Ангус.

– И тюремщиками, если тебе так нравится думать. Попробуешь убежать, обмануть Братство – они тебя поймают и накажут. Теперь ты принадлежишь Братству. Нет, ты не раб, но… не совсем свободен, пока Братство не решит, что ты выплатил свой долг.

– Я что, не смогу никуда выходить? Не смогу ходить по городу? Только сидеть тут, в доме, как в тюрьме? И зачем тогда я бежал? Зачем с вами связался? Чтобы снова стать заключенным?

– Бежал ты, чтобы не умереть в клетке. Согласись, эта комната, этот дом гораздо комфортнее, чем клетка без воды и еды. А мы сделали все, чтобы ты снова в ней не оказался. Если хочешь туда отправиться, в клетку эту самую, – твое право. Но вначале обучишь наших людей согласно договоренности. А потом делай все, что захочешь, – хоть вешайся. Мы вложили в тебя деньги, усилия, ты заключил договор – выполни его. Иначе… клетка покажется тебе детскими играми. Ах да! В город ты будешь выходить в сопровождении своих телохранителей. Или одного телохранителя. Для твоей же сохранности. Мало ли

что… Да и как грузчики пригодятся. Нести что-нибудь понадобится, например. Продукты захочешь купить или еще что-то.

– А если эти… ваши люди неспособны обучиться? Если я не смогу их обучить?! Что мне, всю жизнь тут сидеть?!

– Значит – всю жизнь. Не беспокойся, мы сами заинтересованы обучить искусству наших людей. Не смогут обучиться – найдем других. И так – пока не найдутся те, что обучатся. И вот еще что – ты сможешь со своими телохранителями заниматься фехтованием. Ты же любишь фехтовать! А в соседней комнате есть небольшой арсенал – мечи, ножи, кинжалы, метательные звезды, луки со стрелами. На всякий случай. От грабителей, от степняков – вдруг сюда забредут, хотя это и сомнительно. Дом находится в лесу, и добраться до него можно только пешком. Степняки же и гадят с лошади, а там, где лошадь не пройдет, и они не ходят.

Человек помолчал, молчал и Ангус, глядя на темный силуэт у окна. На душе было гадко, в голове больно, и больше всего угнетала мысль о том, что все кончено, совсем все! И это после яркой, можно сказать, великой карьеры! Он – пленник в чужом доме, несчастный пленник, который не может даже отомстить!

Впрочем, на самом деле, в клетке было бы гора-а-аздо хуже! Чего уж гневить Создателя. Жив, почти здоров, а там видно будет. Не последний день живет!

– На столе снадобья. Зажги фонарь, возьми все, что тебе нужно, – например, от головной боли. И вот еще что – все ингредиенты, что тебе понадобятся для изготовления ядов и других снадобий, мы будем тебе выдавать по заявке. Говоришь, что тебе нужно, нашему человеку, и на следующий день тебе все предоставят. Или, если нет такого ингредиента в городе, тебе сообщат, через сколько дней доставят. Остальное все узнаешь по мере необходимости. И да! Забыл. Твое имя теперь – Герард Агурнаг. Ты купил этот дом у травника Есана Аула, который уехал жить в столицу. Запомнил? Ничего, днем тебе напомнят. Мои люди уже здесь, это Леван и Хесс. Они в Братстве с самого детства. Опытные парни – обоим по двадцать пять лет. Они обладают магической способностью, хотя и не такой сильной, как у тебя. Лекарить они не умеют.

– Да как же я научу их, если они не умеют лекарить, демоны тебя задери?! – Ангус возмущенно вскинулся с топчана, но снова на него упал. Застонал,

схватившись за голову. – Ох! Ну не идиоты, а?! Да вы понимаете, сколько мне пришлось учиться, чтобы стать настоящим лекарем?! Чтобы стать ЛУЧШИМ лекарем?! И вы хотите, чтобы я научил моему искусству двух великовозрастных ослов, которые знать не знают о строении человеческого тела?! Да вы что?! Охренели?!

– Во-первых, они великолепно разбираются в строении человеческого тела. Знают, где находятся органы, как они выглядят, и самое главное – знают, как на них воздействовать, чтобы убить человека. А это уже почти лекари. – И снова смешок. – Что же касается обучения – а кто сказал, что будет легко? Учи столько времени, сколько понадобится, чтобы сделать из двух, как ты выразился, «великовозрастных ослов» настоящих лекарей, не хуже тебя. Выучишь – и иди на все четыре стороны. Не сможешь – будешь до самой смерти учить тех, кого мы тебе пришлем. Это условия договора, и ты обязан их выполнить. Все. Вопрос закрыт! И вот еще что – твои деньги, все, что ты получил от менялы, – вон там, на столе. Можешь не пересчитывать – ни одной монеты не пропало. Так что можешь жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Мы тоже будем тебе платить за работу. Можешь заниматься исследованиями – лекарскими, магическими, – только чтобы тихо, не привлекая к себе внимания. Прощай. Я слежу за тобой.

Человек накинул на голову капюшон и вышел из дверей, не скрипнув половицей, не зашуршав, как и положено «тени». Ангус остался один со своей болью и со своими горькими мыслями.

– Как звать? – Ангус щурился на солнце и снизу вверх смотрел на двух парней, тень от которых падала ему на колени.

– Леван! – откликнулся первый, плотный невысокий крепыш с невыразительным, незапоминающимся лицом.

– Хесс… – Худой, жилистый, выше Левана на полголовы, с лицом кислым, будто только что откусил от незрелого яблока.

– Магией владеете?

– На начальном уровне! – с готовностью откликнулся Леван.

Ангус вздохнул:

– Ох… на каком начальном уровне? Что именно вы знаете? Лечить умеете? Какие лечебные заклинания знаете? Какие снадобья можете заколдовать? Какие вообще заклинания вы знаете?

– Ну-у… заклинание размыкания знаем… не высшего уровня, но замок открыть хватит…

– Иллюзии всякие знаем! – Леван довольно кивнул. – Заклинания огня! Заточки ножей! Заклинание ночного зрения!

– Ясно… – поморщился Ангус, – все заклинания для проникновения в дом и… понятно. Лечить вы не умеете.

– Можем заклинание сытости применить! А еще – поддержать силы, если устал! Только после отката неделю спать придется… как поленом по голове бьет.

– Еще бы! – усмехнулся Ангус. – Сил в организме нет, а вы его заклинанием подстегиваете! Так и умереть недолго. Опасное заклинание, его нужно применять осторожно, только если уверены, что объект выдержит.

– Иногда оно очень необходимо, это заклинание! – широко ухмыльнулся Леван, но глаза его остались холодными, оценивающими, как у змеи перед несчастной лягушкой. Ангуса едва не передернуло – он забыл, что это не совсем простые парни, или, вернее, совсем не простые парни. Это матерые убийцы, и руки их по локоть в крови жертв! И вообще – это его тюремщики, так что расслабляться не надо. Дадут им приказ, и прикончат пленника, ни на секунду не задумавшись. Приказ есть приказ.

– Ну что же, я буду вас учить… – угрюмо сказал Ангус, подумав, что слова его не имеют никакого значения. Для чего они здесь? Чтобы он их учил! Не для того же, чтобы стоять на солнцепеке и смотреть на него, убогого.

– Помоги подняться! – Протянул руку Хессу, и тот с готовностью поймал ладонь «учителя», с кряхтением встающего со скамейки. Ангус поймал внимательный, изучающий взгляд Левана и снова сделал зарубку у себя на памяти – совсем не

прост парень, но хочет казаться простаком. Эдакий, мол, весельчак, простой парень из глубинки! Глаза умные, хитрые, колючие, как у взрослого дикого зверя.

Хотя чего нужно было ожидать? Что пришлют глупцов? Идиотов, неспособных логически мыслить? Если эти парни при своей жуткой профессии дожили до двадцати пяти лет – значит, они совсем не дураки. Искусство убийства – одно из высших искусств в мире. Убить и уйти живым – это нужно уметь! А если еще нужно сделать так, чтобы убийство выглядело не убийством, а случайной смертью… тут уж только большой специалист справится. Такой, как он, Ангус, к примеру!

Они вошли в гостиную – большую комнату, обитую гладко струганными досками. Посреди гостиной стоял большой стол полированного дерева, вокруг стола – шесть стульев, вполне себе изящных и красивых. Похоже, что у бывшего хозяина дома была большая семья. Или просто купил на всякий случай – вдруг кто придет в гости?

– А почему вы не боитесь показывать мне свои лица? И сказали свои имена? – вдруг спросил Ангус, резко повернувшись к парням. «Тени» не выдают себя тем, кто не состоит в Братстве, не показывают лиц. Если они показали лица, значит, уверены, что Ангус не сможет их опознать. И почему? Ответ напрашивается сам собой – по окончании обучения его убьют. Чтобы не выдал.

– А с чего ты решил, учитель, что это настоящие имена? – усмехнулся Леван. – Что касается наших лиц… а ты попробуй их описать. Сколько людей подходит под такое описание?

Ну да, ну да… Ангус опять про себя ругнулся – действительно, а кто сказал, что это их имена? А что касается описания – более невыразительные, незаметные лица трудно и представить! Пройдешь мимо и не заметишь – как придорожный камешек!

Он вздохнул и попросил:

– Найдите мне листок бумаги и чем писать. Или дощечку, мелок.

Ему принесли лист сероватой бумаги, чернильницу с перьями, и Ангус, оторвав от листка небольшой кусочек, начал писать, покрывая лист ровными стежками слов. На все ушло минут пять, и скоро Ангус оттолкнул от себя исписанный листок:

– Кто первый попробует? Леван?

– Пусть Хесс попробует! – Леван хитро прищурился. – А я уж потом!

– Я сказал – ты первый! Ты попробуешь загрузить заклинание в мозг, – Ангус внимательно посмотрел в глаза парню, и тот чуть заметно поджал губы. Взгляд Левана сделался колючим, неприязненным… но только на миг. Он снова стал веселым парнем, будто не снимал только что эту маску, обнажая свое нутро.

– Ну, я так! Как скажешь, учитель! – Леван взял бумагу и стал читать написанное на ней, нахмурив брови, незаметно шевеля губами. Потом вдруг побелел, захрипел, вытянулся во весь рост и рухнул на пол, окаменев, как каменный столб.

Ангус криво усмехнулся и, обернувшись к замершему с вытаращенными глазами Хессу, бросил, откидываясь на спинку стула:

– Ну что застыл? Поднимай его и тащи на кровать. Да не на мою кровать – на его кровать! Завтра встанет… наверное. Или не встанет!

– То есть как – не встанет?! – кисло-хмуро спросил Хесс, наклоняясь к бесчувственному напарнику и щупая пульс. – Ты что с ним сделал?!

– Я?! Ничего, – усмехнулся Ангус. – А вот магия – сделала. Сейчас его мозг парализован, и, если я его не вылечу, парень имеет шанс до завтрашнего дня стать покойником или идиотом. Будет пускать слюни, гадить под себя, пока не сдохнет. Впрочем, гадить под себя ему будет нечем, потому что жрать он не сможет. Понятно? Нет, вижу – непонятно. Неужели вам не давали основы магии?

– Ну-у… нет. Нам дали кое-какие заклинания. Мы их загрузили в память – правда, не с первого раза, пришлось потрудиться, – и… работали с ними. И все. Магии нас не учили.

– Ага. Понятно. – Ангус задумчиво покачал носком ботинка, глядя в пространство. – То есть вам дали определенные заклинания низшего уровня, приспособленные для определенных задач – проникнуть в помещение, отвести глаза, увеличить чувствительность к свету для ночного зрения. И все. Ясно. Так вот, рассказываю: мозг мага может принять заклинание только того уровня, на который он был тренирован. Если уровень заклинания высок, а мозг к приему не подготовлен – от слишком интенсивной работы он надрывается и гаснет. Понимаешь? Он впадает в спячку, и, если его не разбудить, душа улетает из тела. И чем больше времени прошло после того, как человек впал в кому, тем труднее его вернуть. Через несколько часов и я не смогу сделать так, чтобы Леван стал тем, кем был прежде. Кровоизлияние в мозг. И смерть. Или идиотизм – как я тебе уже сказал. Теперь понял?

– Так сделай! Какого демона сидишь как истукан?! Делай! Иначе я тебе…

– Что – мне?! – перебил с нехорошей усмешкой Ангус. – Да ни хрена ты ничего не сделаешь, придурок! В противном случае сам сдохнешь! Братство тебе не простит! Я могу убить тебя легко – просто подлить тебе в суп яд, от которого ты будешь умирать неделю, разлагаясь заживо! Или другой яд – после которого ты уснешь и не проснешься! Капну тебе на подушку – и ты сойдешь с ума, разобьешь голову о стену! Я даже могу просто потрогать тебя рукой, – Ангус цапнул Хесса за руку, и тот отдернул ее, глядя на мага округленными то ли от удивления, то ли от ужаса глазами, – и у меня на руке будет смертельный яд – ты умрешь, а я нет! Потому что заранее принял противоядие! Ты понимаешь, что я великий отравитель?! Я король отравителей! Император отравителей! И вы, мрази, смеете смотреть на меня как на ничтожество?! Это ты ничтожество – жалкий убийца, который не может ничего, кроме как скакать и тыкать в людей острой железякой! А я – великий лекарь, маг, которому подчиняются стихии! Ну-ка, сделай так – сможешь?!

Ангус вытянул руку с раскрытой ладонью, внимательно на нее посмотрел, и на ладони затанцевал язык пламени – самого настоящего, жаркого, притягивающего взгляд пламени! Оно меняло цвет, становясь то голубым, то зеленым, то красным, а потом рассыпалось, выбросив в лицо опешившему и побледневшему Хессу яркий фейерверк жгучих искр.

– Что, не можешь?! А?! Придурок! И вы мне смеете смеяться в лицо?! Хихикать у меня за спиной?! Болваны!

Ангус с трудом перевел дыхание – такое простое действие, как вызов пламени, далось ему трудно, очень трудно. И это показало, насколько он истощен, измучен и как долго придется восстанавливаться до прежнего магического и физического уровня. Если это вообще возможно. Слишком велико было потрясение. Слишком серьезно покопались у него в мозгах инквизиторы, применяя магические снадобья и просто магию – через коллег Ангуса, разумеется. Те радостно помогали палачу, хотя до падения первого лекаря эти твари поздравляли его, заверяя в вечной дружбе и преданности.

Ангус не строил иллюзий – его ненавидели, ему завидовали. Он слишком высоко поднялся, а значит, врагов у него было более чем достаточно. Ничего! Он помнит их имена! И лица! У него великолепная зрительная память – как у всех магов высшего ранга! Абсолютная память! Отольются им его крики и слезы!

– Учитель, прости! – Хесс низко наклонил голову, замерев в позе подчинения – встал на одно колено, голова едва не у пола. Но Ангус вроде как и не заметил его позы. Продолжил:

– А еще – знаешь, как я могу тебя убить? Вот как его. Дам тебе загрузить заклинание высшего порядка, ты попробуешь его проглотить, и… ап! Как он! Овощ, пускающий слюни! А я скажу, что вы оказались неспособны к магии! И что мне нужны другие ученики! И никто никогда не заподозрит, что я убил вас специально, потому что вы были неуважительны ко мне! Что вы не осознавали, что играете с огнем, и доигрались!

Молчание. Его прервал Хесс:

– Учитель, чего ты хочешь?

– Я чего хочу? Уважения в обмен на знания. Свободы – насколько можно это назвать свободой. Партнерства. Большего не прошу. Вы не пойдете против Братства, я знаю. Но и я не собираюсь идти против Братства. Но мне нужна свобода. И я тут главный. Не вы! Запомните это! Вы помогаете мне в той степени, насколько это не вредит Братству, делаете мою жизнь максимально сносной, а я… я учу вас так, как умею. И для тебя лично говорю: ты мне докладываешь о том, что задумал Леван. Ведь именно он в вашей паре старший, так?

– Он.

– Вот. Если он что-то задумал против меня – ты скажешь. Если он строит козни в мой адрес – ты скажешь. А я не сделаю так, чтобы ты умер. Согласен?

Парень помолчал, затем все же ответил:

– Согласен. Если это не навредит Братству и мне. Теперь ты вылечишь Левана?

– А надо? По-моему, он просто осел. Может, не стоит ему жить?

– Он в общем-то ничего парень. Хотя и не без заскоков. Сильный боец. Всегда выполняет задание. Он не пойдет против тебя, учитель, если ты не нарушишь правила. Как и я. Мы не поддаемся настроению. А то, что у него такой характер… ехидный, так я ему все объясню.

– Хорошо. Пусть будет так. Начнем все сначала. Пусть пока валяется на полу, авось не простудится. Пойдем на кухню, нужно будет приготовить кое-какое снадобье. Наколдую, вольем ему в глотку – отойдет. Время у нас еще есть.

– Итак, что вы поняли из сказанного мной? Почему Леван едва не отправился получать новое тело и не вселился в плешивого бродячего пса?

– Чой-то в пса?! Может, в кота! – вяло трепыхнулся Леван и, перехватив взгляд Ангуса, встал, вытянувшись, руки по швам. – Я попытался загрузить в мозг заклинание, которое превышает мой уровень магического умения во много раз. Мне нужно было тренировать мозг, загружая заклинания низшего уровня, и потом – все сильнее и сильнее!

– Что сильнее?! Чего сильнее?! Выражайте свои мысли четко, ясно, продумывайте каждое слово! Вы уже не тупые убийцы, втыкающие отравленные иглы в несчастную жертву! Вы маги, ученики лекаря! От вашего слова может зависеть жизнь пациента! Вы должны быть грамотны, писать без ошибок – запишете заклинание не так, как положено, и ваша жизнь не будет стоить ломаного медяка! Ну, вот представьте: есть заклинание огня высшего уровня, и есть заклинание огня низшее. Все отличие у них в том, что в слове «саугабок»

первая гласная буква или «а», или «о»! Если вы попробуете загрузить заклинание с «саугобок» – это будет низшее заклинание, и максимум, что вы получите, – это как поленом по башке. Голова будет болеть, но вы вполне себе поживете. А вот с «соугобок» вам конец! Это заклинание высшее, оно может вызвать и огненную сущность, именуемую то Солонда, то Заланда, а то и Галанда – в разных народах и наречиях по-разному. И эта сущность очень обидчива – сожжет и вас, и все вокруг! Но это если сумеете ее вызвать. Но вы не сумеете. Потому что сдохнете от кровоизлияния в мозг – если рядом не окажется такого мастера, каким являюсь я. Итак, что вы должны делать? В чем заключается ваша учеба?

Хесс!

– Мы должны пытаться загрузить в мозг заклинания, которые ты нам напишешь, учитель. Вначале легкие заклинания, потом сложнее и так до самого высшего уровня, чтобы суметь колдовать так, как умеешь ты.

– Все верно… – вздохнул Ангус. – Только вот с одной поправкой – до уровня, до которого вы сумеете развиться. Понимаешь, в чем дело, парень… поздно начинаете. Учиться магии надо с детства, с самого детства, когда мозг еще девственно чист, когда он не замутнен лишними знаниями, не окостенел без занятий. Как бы вам это лучше пояснить… ну вот представьте: вы лежите на кровати двадцать пять лет. Не вставая. Что будет с вашими ногами? Правильно. Они настолько усохнут, что вы не сможете ходить. А почему вы думаете, что мозг отличается от тех же ног? Если вы его не тренируете – он не развивается. И хуже того – у взрослых, таких как вы, мозг уже окостенел, он неспособен принять в себя сложные заклинания, он просто к этому не привык! Вы безногие, и мне предстоит вас, безногих, поставить на две конечности, да еще и заставить бежать так же быстро, как самого лучшего бегуна. Такого, как я. И теперь скажите мне – это возможно? Только честно!

– Нет! Нет! – хором ответили оба и переглянулись – растерянно и грустно.

Затем Хесс спросил:

– Учитель, а зачем нам тогда учиться? Смысл какой в этом? Если мы все равно не сумеем достичь совершенства?

– Во-первых, я не сказал, что вы не можете достигнуть совершенства. Откуда я могу это знать? Все в руках богов. Может, вы талантливее меня! Но вообще, мой опыт показывает: чем раньше ребенка начинают учить магии, тем успешнее он будет развиваться в магическом искусстве. Мы будем заниматься, и вы будете впитывать знания. А уж что получится в конце концов – это известно только богам. Понятно?

– Понятно! Понятно! – хором ответили ученики, и взгляды их сделались задумчивыми, туманными. Будто парни старались разглядеть далекое будущее. Свое далекое будущее.

Ангус ел, пил, спал. Натирался мазями, которые делал тут же, в специально для этого выделенной комнате просторного дома. Все снадобья, как и продукты, приносил один из парней, время от времени спускающийся в город, до которого было часа два ходьбы. Дом стоял в глухом лесу, на удивление сохранившемся в неприкосновенности за тысячи лет существования города. Возможно, сохранности леса способствовала дурная слава этого места – со слов парней, гора, на склоне которой и стоял дом Ангуса, служила местообитанием какой-то нечистой силы вроде демонов или другой нечисти. Горожане считали, что если срубить дерево на склонах горы, то наверняка приобретешь на свою голову дурное проклятие, и жизнь твоя пойдет под откос. Или просто помрешь, захирев, зачахнув от неизвестной болезни. На склонах горы, бывало, пропадали люди, которые забредали сюда, не веря в проклятое место, или просто заблудившиеся путники, решившие переночевать под сенью огромных, в сотни лет возрастом сосен, царапающих корявыми ветвями мягкое брюхо низких облаков.

Какой «гений» решил построить дом возле водопада, в красивом, труднодоступном и таком странном месте – неизвестно. Прежний хозяин дом не строил. Купил его у предыдущего хозяина. А уже у него дом купил человек из Братства – дешево, практически по бросовой цене, и это за огромный двухэтажный дом, сложенный из окостеневших от времени бревен, каждое в обхват взрослому мужчине.

Все это сообщили Ангусу парни – он и его ученики за прошедший с начала их знакомства месяц постепенно притерлись друг к другу, что было вполне закономерно: когда живешь в полном уединении, не видя никого, кроме людей из тесной компании, волей-неволей начинаешь с ними если не дружить, то гораздо теснее общаться. Видеть в них не чужих, приставленных для охраны и

слежки, а настоящих учеников, волей судьбы заброшенных вместе с ним к «демону на загривок», как говорил Леван.

Ангус не верил в мистику, которая аурой витала над этим местом. Он не боялся. Человеку, который сумел уйти из «клетки смерти», бояться каких-то туманных угроз мистической силы совсем даже глупо. Людей надо бояться, а не людских суеверий. Есть наука, есть магия и есть глупая чернь, которая придумывает страшные сказки и сама в них верит.

И честно сказать – Ангусу было очень хорошо в этом доме. Чистейшая вода ручья, водопад, под ледяной струей которого так приятно купаться, сытная, вкусная еда, занятия любимым делом – магией, что еще нужно человеку, чтобы отдохнуть и набраться сил?

Братство пока Ангуса не беспокоило. Не было заказов на яды, не было заказов на какие-либо снадобья, про него будто забыли. И это хорошо! Пять часов в день на занятия с учениками, медитация, приготовление лечебных мазей и отваров для себя, любимого, – и занятия наукой. Магической наукой.

Все книги, что он когда-то прочитал, все книги, что изъяла инквизиция и сожгла в печи пыточной (сжигали при нем; и на этом огне калили стальные прутья, прикладывая потом к коже владельца книг, – палаческий юмор), – все остались в памяти Ангуса, в памяти, развитой непрерывными, многолетними упражнениями и укрепленной специальными снадобьями, помогающими запоминать огромные тексты, полные сложных терминов, описаний процесса, картинок и пояснений на полях. Он помнил все. И мог бы восстановить эти книги – лист за листом. Но не хотел. Зачем? Чтобы кто-то воспользовался собранными им знаниями? Возможно, что он, Ангус, – последний черный маг, знаток ядов и смертельных проклятий. ПОСЛЕДНИЙ.

Через неделю после того, как Ангус оказался в убежище, он начал восстанавливать форму с помощью физических упражнений. Вначале легкий тренировочный танец с мечом, выбивавший у него слезы из глаз, – изуродованные ноги выли и стонали, отказываясь держать хозяина в вертикальном положении, и уже тем более не желали перемещать его по тренировочной площадке. Потом начались тренировки с учениками.

Когда он в первый раз вышел на площадку и потребовал, чтобы один из учеников встал перед ним и попробовал его победить, оба парня поджали губы – видимо, сдерживали смех. Потом Леван подтолкнул Хесса – мол, «давай, да только не зашиби дурака», и тот вышел на поединок, тяжело вздохнув, как человек, которого заставили делать очень нужное, но такое неприятное и опасное дело. Опасное, потому что проиграть нарочно значило оскорбить разум учителя, не отличавшегося добрым и всепрощающим нравом, выиграть – тоже обида. Какой-то там ученик легко побеждает своего самонадеянного учителя! Обидно, ага. А люди все по-разному реагируют на обиду. Например, некоторые знатоки ядов могут невзначай и отравить! Или подсунут заклинание, которое напрочь выжжет все мозги! А оно ему, Хессу, надо?

Через пять минут Хесс уже лежал на земле, ошеломленный, будто увидел явление одного из богов, и держался за огромную шишку на голове, из которой довольно-таки обильно сочилась кровь. Раны на голове вообще-то всегда обильно кровоточат, так что в этом обстоятельстве не было ничего особенного. Но то, как искалеченный, хромой человек расправился с профессиональным убийцей, с самого раннего детства обучавшимся своему ремеслу, – это было просто потрясающе. И невероятно. Для тех, кто ничего не слышал о первом лекаре, о том, кто он такой и откуда взялся.

После этого Ангус сделал вывод: парни почти ничего не знают о нем, о его жизни. В противном случае они бы не удивлялись такой легкой расправе над тренированным бойцом – все-таки Ангус победитель турнира «Серебряный меч», а это что-то да значит. По крайней мере, в столице.

А вот Ангус особо и не удивился своей победе. Чего-то такого он и ожидал. Убийце не нужно виртуозно владеть мечом, ему не нужны дуэльные поединки чести, когда два противника сходятся один на один. Убийца должен убивать – тихо, незаметно, подло – и так же незаметно уходить, не потревожив ни одну живую душу вокруг. И в этом главное умение, главное искусство – быть смертоносными «тенями».

Да, фехтовали они очень недурно, выше среднего уровня. Но Ангус-то был мастером, самым настоящим мастером фехтования, занимавшимся этим делом всю свою жизнь, практически каждый день! Потомственным дворянином, а у дворян искусство фехтования было культовым, в ранге положенности.

Дворянин, который не умел фехтовать и не мог ответить на вызов противника, никогда бы не смог подняться по социальной лестнице общества империи. Магия и фехтование, вот два бога, которым поклонялся Ангус, человек совершенно не религиозный и, честно сказать, считавший богов если и не выдумкой черни, то не более чем придумкой священников, собиравших с паствы немалую мзду.

Нет, он не осуждал священников – замечательная придумка, приносившая постоянный и обильный поток вожделенных кругляшков. Что в ней может быть плохого? Одни получают утешение и надежду, другие – звонкие монеты. И все довольны! А если все довольны, так разве это можно назвать плохим делом?

Если в фехтовании Ангус легко побеждал любого из парней и даже двоих сразу, то в рукопашном бою и во всем, что касалось их профессии или, вернее, образа жизни, парни были для Ангуса недосягаемы. Они могли подойти совершенно бесшумно, так, что он никогда в жизни не смог бы ощутить их присутствие, могли скрыться посреди освещенной солнцем лужайки, и Ангус мог бы часами пытаться их разыскать – абсолютно безуспешно.

Ангус даже не знал заклинаний, так эффективно отводящих глаза и не позволяющих увидеть лазутчика. И парни отказывались их передать, мотивируя тем, что подобные заклинания – один из самых охраняемых секретов Братства, и за то, что они выдадут секрет, их просто убьют.

Так это или не так – Ангус не знал, хотя сказанное было похоже на правду. Почему бы Братству не иметь секретов от остального мира? Эдакой закрытой, тайной, гонимой организации? Увы, он в который раз пожалел, что в прежней жизни не озаботился изучением подобных заклинаний и подобных умений. Умея все это, он никогда не оказался бы в клетке и не попал бы в фактическое рабство к гильдии убийц.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами, и, когда наступил сезон дождей, Ангус уже представлял уровень учеников и четко понимал, чего от них ждать. Каждый день парни пытались загрузить в мозг написанные Ангусом заклинания, до головной боли, до скрежета зубовного – в буквальном смысле слова. После сотен попыток загрузить заклинание, не подходящее магу по уровню, даже если это заклинание превышает уровень мага всего процентов на пять, он неизбежно получает головную боль. Такую боль, которую утихомирить может только колдовское снадобье или прямое магическое воздействие на организм. Но

лучше – и то и другое вместе.

Вот только делать это было нельзя. Головная боль после попыток работы с заклинаниями и продвижение в магическом искусстве были каким-то образом связаны между собой. Стоит убрать головную боль, и то, что наработал за день, безвозвратно утеряно.

Когда Ангус учился в школе магии, это ему объяснили в первый же день, и, само собой, он не поверил учителям. А когда началась головная боль, потихоньку купил болеутоляющее снадобье и выпил эту горькую, очень горькую микстуру. Результат – он потерял сознание при первой же попытке загрузить простейшее тренировочное заклинание, был разоблачен и выпорот розгами – что сразу отбило охоту повторять сеансы болеутоления.

В конце концов он научился утихомиривать боль медитацией, самовнушением, загоняя ее внутрь тела и отстраняясь, будто больно было когда-то очень давно и теперь осталось только воспоминание о той боли. Это и помогло ему выжить в застенках дворцовой темницы, помогло не сойти с ума и не выдать все, что он мог бы выдать. Например, он ничего не сказал о сделанных им тайных вкладах менялам и купцам. И теперь эти деньги позволяли ему есть и пить все, что он захочет, и вселяли надежду на то, что когда-нибудь Братство от него отстанет и он сможет начать исполнение своей мечты.

Нет, он совсем не был дураком, он понимал, что скорее всего Братство от него не отстанет никогда. Но убийцы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Пройдут годы, может быть, даже десятки лет, и Братство расслабится, посчитает, что Ангус смирился со своей судьбой. И вот тогда он уйдет – так быстро, так ловко, что его никто не сможет поймать! Никто! И никогда! И будет творить свою месть! Всем, всем отольются его боль, его страх, его увечья!

Кстати сказать, увечья оказались не такими уж и серьезными. Палач знал свое дело и мучил Ангуса умело, но не опасно для жизни. Даже гениталии выжили – это вначале они представляли собой что-то среднее между протухшей змеей и кучей запекшейся крови, а теперь, после лечения, почти ничем не отличались от органов нормального здорового мужчины. Правда, работать пока отказывались – раньше при одной мысли о женщине кровь приливала в пах, а теперь… какие бы сладострастные картинки Ангус ни вызывал у себя в голове – мужской его орган оставался вялым и безучастным. И лекарь понимал почему. Телесные раны – это пятьдесят процентов нездоровья. Вылечить телесные раны довольно-таки легко,

а попробуй вылечить рану душевную!

Душа – предмет тонкий, чувствительный и темный, как ночное небо. Кто знает, что в ней творится? Люди, вылечившиеся от страшных ран и болезней, иногда умирали потому, что душа их отказывалась держаться в прежде искалеченном теле. И никто не мог понять, почему это происходило. Говорили, что душа уже оторвалась от тела, когда лекарь приступил к лечению, или улетела на небеса, или божественный вестник, уносящий душу к Создателю за получением нового воплощения, отказывается вернуть ее на место.

Болтовня, конечно, – никто никогда не видел никаких вестников, а если кто-то говорил, что видел, в конце концов оказывалось, что это или мошенники, или душевнобольные люди.

Ангус тоже не знал ответ на вопрос – почему в излеченном теле не удержалась душа, но у него была на этот счет некая версия, вполне себе имеющая право на жизнь. По его мнению, в этих случаях мозг пациента был практически разрушен, и оставались живы только те его участки, что отвечали за дыхание и кроветворение. На первый взгляд, пациент жив, а на самом деле он уже был мертв. И потому вернуть его к жизни невозможно – если только не заняться проклинаемой Храмом и Государством некромантией.

Ангус знал заклинания некромантии, но при всей своей авантюрности так и не решился проверить их в деле. Вот это НА САМОМ деле была черная магия, магия, которой боялся даже Ангус. Магия, за которую сжигали на медленном огне, поддерживая жизнь в казнимом магическими средствами, чтобы жил как можно дольше и страдал как можно сильнее.

– Докладывай. – Человек у окна отпил из бокала синего хрусталя и глянул в пространство над головой Левана долгим, задумчивым взглядом. Его худое лицо было хмурым, и Леван заторопился, опасаясь вызвать гнев могущественного и безжалостного Старшего Брата, Белого Веера здешнего Братства.

– Мы пока на первом уровне. Двигаемся в учебе с трудом, учитель объясняет это тем, что наши мозги уже забиты всякой житейской чепухой и что мы никогда не сможем подняться до его уровня. Что если бы мы начали с нуля, если бы были детьми, то лет за пятнадцать он сумел бы поднять нас на свой уровень. Но

тоже – не факт. Зависит от способностей. Нужен очень одаренный в магии ребенок. Ну вот… все, Старший Брат.

– Ты ему веришь? – Губы Белого Веера скривились в презрительной гримасе. – Может, он нас дурачит? Не хочет делиться знаниями?

– Не знаю… – Леван пожал плечами. – Мы с Хессом обсуждали это и вот что думаем: нет, не врет. Он любит магию, как крыса помойку, и учит нас на совесть. Только и взаправду у нас не получается, и все тут. Староваты. Я это понимаю – это как с гибкостью. Если бы с самого детства меня не учили выворачивать суставы и всякое такое – разве я сейчас бы смог это делать, когда суставы уже отвердели, связки сделались жесткими? Ты сам это знаешь, Старший Брат. Дети могут многое из того, что не можем мы. Особенно дети аристократов. Это они – маги. Дети магов. Мы же с Хессом полукровки – мою мать изнасиловал аристократ, и она понесла, а Хесс сын рабыни – тоже от аристократа. Нужна чистота крови, и тогда будет сильный маг.

– И Хесс так думает?

– И Хесс. Был бы он тут – то же самое тебе бы сказал.

Белый Веер замер, держа бокал в руке и будто забыв о стоящем навытяжку подчиненном. Он напряженно думал: что делать? Ошибку ему могут и не простить! И расплата за ошибку одна – смерть! Как добиться результата? Как заставить лекаря передать свои знания человеку из Братства? Если передать их он может только ребенку?

Вдруг в голову пришла неожиданная мысль:

– Что еще он сказал? Может ли Ангус поднять уровень магической силы у своих учеников? Есть ли такой способ? Ты спрашивал его?

– Спрашивал! – В глазах Левана мелькнул огонек гордости, и Белый Веер усмехнулся – он не ошибся в парне. Леван гораздо умнее, чем хочет казаться. И опаснее. Но это и правильно – члены Братства никогда не выглядят опасными, но смертоносны, как зеленая змея! Один укус – и смерть! Умение носить маску незаметного, неопасного, даже глуповатого человека вошло в кровь с первыми словами наставника и не отпускает до самой смерти.

– Он говорит, что заклинание, которое способно изменить ребенка, сделать его магом, есть. Но оно очень опасно – выживает один из десяти. Или даже меньше. И он, Ангус, никогда не решится сделать такой эксперимент. Потому что считает это неправильным. Злым делом.

– Злым делом? – усмехнулся Белый Веер. – А то, чем он занимался, – не злое дело? Травил своих конкурентов! Продавал яды Братству! Глупец! Есть дело – и есть безделье. Все! Другого нет!

– Тебе виднее, Старший Брат! – Леван наклонил голову в поклоне и остался в такой позе, всем видом показывая готовность к исполнению. Он и правда был готов – на все. Если выбрал служение Братству – по-другому и быть не может. Братство – все! Весь мир – ничто!

Белый Веер снова замолчал, полуприкрыв, закатив глаза, будто пытался разглядеть у себя в черепе что-то неведомое, то, что подскажет ему решение проблемы. Потом шевельнулся, сел прямо, впившись взглядом в лицо Левана:

– Тебе выделят деньги. Ты пойдешь на рынок и купишь десяток детей-рабов. Отведешь их в дом Ангуса, и он проведет над ними эксперимент.

– Да он же отказался?! – Леван удивленно поднял глаза на начальника. – Категорически! Говорит, за такие эксперименты надо карать! Что вот ЭТО настоящая черная магия!

– Это твое дело – заставить его делать то, что нужно. На то ты и Младший Брат, а не просто рядовой Брат. Старайся, и Братство тебя заметит! Или умри. Если не желаешь исполнять приказы Братства. Ты все понял?

– Я понял… – Леван мрачно посмотрел на Старшего, и тому показалось, что в глазах парня сверкнула молния ненависти. Ненавидит? Это даже хорошо. Пусть ненавидит. Главное, чтобы беспрекословно исполнял приказы. Власть держится на дисциплине, нельзя допускать вольницу! Сегодня человек решит, что может не выполнить приказ Старшего, а завтра? Завтра захочет его убить? Уничтожить Братство?

– Иди. Зайди в таверну «Синий кот» и сиди там, жди курьера. Он принесет тебе деньги. Сразу же отправляйся на рынок и покупай рабов. Предпочтение отдавай тем рабам, которые хотя бы чуть-чуть похожи на детей аристократов – голубые глаза, светлые волосы и так далее. Ты знаешь. В этом случае есть шанс приобрести бастарда какого-нибудь мага. Рабов старайся выбирать возрастом поменьше – по понятной причине. Ну что еще… хм… после эксперимента оставшихся в живых детей будешь обучать Искусству и посвящать в идеалы Братства. Они должны быть абсолютно преданы нам. Стать одним из нас. Все понял?

– Понял, Старший! – Леван облизнул пересохшие губы и снова потупился, не глядя в глаза начальнику. В голове его был полный сумбур: он не знал, как жить и что делать. Такого сложного дела у него никогда еще не было. Забраться по отвесной стене на высоту десяти человеческих ростов и устроить «клиенту» «самоубийство» – детская задача по сравнению с ЭТОЙ. И лучше бы он сто раз залез по стене и убил, чем заниматься ТАКИМ делом.

Но выбора не было. Теперь – сделать или умереть. Иначе быть не может.

– Ну так иди. Не мешкай.

Белый Веер сделал нетерпеливый жест левой рукой, будто отгонял надоедливую муху. Леван немедленно повернулся и вышел, спиной чувствуя колкий взгляд Старшего. На душе было гадко. Он знал, как будет действовать, и от этого ему было еще гаже. Но если выбирать – его, Левана, жизнь и жизнь другого человека, – то он выберет свою. Иначе и быть не может. Каждый сам за себя! И за Братство.

Ангус вытер лоб – пот стекал в глаза, щипал и был горько-соленым. Нет, прежней формы у него до сих пор нет. Тело двигается скованно, перебитые ребра болят, отбитые легкие горят огнем, суставы щелкают, кости ноют. Твари! Мерзкие твари! Они ответят! Все они ответят!

Прислушался. Галлюцинации, что ли? Детский плач! Голоса. Откуда здесь дети?! Может, это у него в голове плачут дети?! Поврежден мозг?!

Оглянулся на дом – Хесс вышел, внимательно прислушивается, рука на рукояти короткого меча, без которого тот не выходил из дома никогда и никуда, даже помочиться шел вооруженным до зубов. И это хорошо. Как ни странно, рядом со своими охранниками Ангус чувствовал себя более-менее защищенным. Все-таки в глухом месте живет, мало ли кто сюда может забрести? А у него большие планы, ему нужно жить! Обязательно нужно жить – чтобы отомстить! Да и вообще – жить. Очень ему нравится это занятие – жить.

Хесс рванулся вперед, туда, где пряталась тропинка, ведущая вниз, в долину. Ангус перехватил в руке меч, взял его поудобнее, готовясь к бою, и тут… замер ошеломленный! На лужайку медленно вышла вереница людей, связанных между собой одной веревкой, похожих на длинную гусеницу со многими ножками! Впереди шел Леван, держа конец веревки, парень возвышался над пленниками, как башня. Ни один из них недотягивал ему даже до пояса!

Мелькнула дурацкая мысль – карлики?! Это что – карлики?! Потом в уши ударил звук плача, хныканье, и Ангус с ужасом понял – дети! Это дети! И замер, поняв, почему тут оказались эти дети. И тут же принял для себя решение – нет! Ни за что!

Повернулся, пошел в дом, не глядя на детей, не обращая внимания на Левана, который держал в руках что-то вроде кулька из грязной ткани. Этот кулек тихо и жалобно скулил, как щенок, потерявший свою мать. Но Ангус ничего этого уже не слышал. И не хотел слышать! Пошли они все к демонам! Твари!

Ангус ушел в свою комнату и плотнее прикрыл дверь. Ему хотелось убивать. Ему хотелось бить, рвать, рубить!

Душила ярость, туманящая мозг, толкающая на такие поступки, о которых он пожалеет и которые выйдут ему боком. Он это знал. А потому встал со стула, сел на коврик посреди комнаты, подогнув ноги под себя, и положил руки с открытыми ладонями на колени – медитация! Войти в транс, очистить мозг от наносного, от злобы, от ярости, сделать его чистым и ясным, как хрустальное стекло! Как алмаз, отполированный руками ювелира! Тут же вспомнился перстень, который Ангусу некогда подарила Майа Стеро – крупный красный бриллиант, широкое кольцо из чистого золота. Этот перстень стоил много, много золотых! Чистые красные бриллианты попадаются не так уж и часто! Кстати – наколдованный бриллиант. Если сунуть его в пищу и в ней есть яд из числа тех, на которые он наколдован, – камень начинает мерцать, светиться! И это

повышало цену камня как минимум в два раза!

Проклятый палач присвоил себе камень, когда распинал на кресте пыточной. Содрав с пальца вместе с кожей.

Мразь! Ох как хочется добраться до этой мрази и отрезать ему пальцы один за другим, один за другим! Слышать, как хрустят его кости! Как вопит этот лысый гад, захлебываясь кровью из разбитого рта! О-о-о… Ангус придумал бы для него такие пытки, о которых тот и не слышал! Настоящие пытки! Магические пытки! Только бы добраться до гада!

– Учитель… – Голос Левана прервал мысли, и Ангус едва не вздрогнул, как мальчишка, застигнутый за каким-то запретным, непристойным делом.

– Я же сказал: когда медитирую, не трогать меня! Не говорить со мной! Не прерывать медитацию! Что неясно?! Пошел вон отсюда, придурок!

– Учитель! – Голос Левана явно окреп. – Братство хочет, чтобы ты сделал из этих детей магов – известным тебе способом. И учил их так же, как учишь нас с Хессом. И это не обсуждается. Таков приказ Старших.

– Это тебе они могут приказывать! – злобно прохрипел Ангус, чувствуя, как кровь снова бросилась в голову. – А мне – нет!

– Ты живешь в доме, предоставленном тебе Братством. Тебя охраняет Братство. Тебе предоставлена возможность работать на Братство. Почему ты считаешь, что Братство не может тебе приказать? Ты полностью от него зависишь, разве не так?

– Не так! – злобно огрызнулся Ангус, чувствуя, как кровь бросилась ему в голову. То ли от ярости, то ли от возмущения и стыда. – Я уже сказал, не буду этого делать! Никогда! И ни за что! Всему есть пределы, и это мой предел! Я не буду убивать детей!

– Тогда их убью я… – Голос Левана был тихим, скучным, обыденным. Таким обыденным, что впавший в ярость Ангус вначале не осознал смысла слов. А когда осознал – окаменел, побледнел и пристально посмотрел на Левана.

– Как… убьешь? Что значит – убьешь?!

– Как убью? Например, перережу глотку. Или сверну шею. Вначале одному, потом другому. И буду так убивать, пока ты не согласишься на наши требования. Убью всех этих – приведу новых. И снова буду убивать. И ты будешь виноват. Ты!

Он ткнул пальцем в сторону Ангуса, будто хотел его проткнуть, и тот едва заметно отшатнулся, чем вызвал внутреннюю усмешку Левана. Но на круглом, мрачном лице парня не отразилось ничего из тех эмоций, что он испытывал сам.

– Ты не посмеешь! – выдохнул Ангус, и Леван укоризненно покачал головой:

– Знаешь ведь, что посмею. И сделаю. И только ты можешь их спасти. Делай из них магов! Делай! Какая-то часть умрет, да, но остальные выживут! А так они умрут все. Все, понимаешь? Клянусь тебе, умрут!

– Не посмеешь… – повторил Ангус сухими, холодными губами. Губами мертвеца. Он почти уже жалел, что не умер во время пыток. Все бы тогда закончилось, все было бы гораздо проще.

– Пойдем, учитель… я тебе покажу.

Леван повернулся и бесшумно, не скрипнув половицами и дверью, вышел в коридор. Промелькнул к выходу, тихий, как тень, и вот он уже на улице – виден через маленькое окошко, закрытое, как ни странно, кусочками дорогого прозрачного стекла – не бычьим пузырем, как стоило бы ожидать от захолустного дома. И вообще – дом оставлял ощущение дворянской усадьбы, таинственным образом занесенной в эту глушь. Может, его и строили как усадьбу? Какой-то бедный дворянин? Или богатый! А что, красивое место, рядом ручей, водопад, воздух замечательный – ни тебе городской копоти, ни шума-гама городских улиц! Живи в тишине и радуйся!

Ангус рывком поднялся, шагнул к стене, привычным движением сорвал с креплений стандартный дуэльный меч – длинный, но не очень, слегка изогнутый, с острым, как жало, концом клинка. Движения мастера меча были плавными, уверенными, будто и не было пыточной, будто не было клетки и долгих месяцев боли и страданий. С мечом в руке стоял прежний Ангус – смертоносный, как зеленая змея!

Он шел драться, по большому счету, и не за детей – что ему какие-то маленькие рабы? Кто они и кто он, Ангус! Но в душе зрело ощущение правильности его поступка. Нельзя переходить грань. Нельзя делать то, что делать нельзя, – иначе это будешь уже не ты. Нельзя позволять Братству сесть на шею – хотя разве оно уже не сидит у Ангуса на загривке? Пришла пора показать характер. Характер дуэлянта, бойца, характер Первого Лекаря Его Императорского Величества.

Ангус покрутил головой, разминая шею, подвигал плечами. Готов! Ну, держитесь!

Лекарь мягким, стелющимся шагом вышел в коридор, толкнул дверь и ослепленный вечерним солнцем, прорвавшимся в прогал между деревьями, вышел на лужайку перед домом. Вышел. И тут же вздрогнул от укола в шею – какое-то насекомое впилось своим жалом так, что на мгновение Ангус забыл, зачем вышел, и схватился за место укуса. И замер, чувствуя, как по шее, плечам, рукам расходится волна холодного оцепенения.

Стрела! Стрелка из духовой трубки, намазанная парализующим ядом! Ах, твари! Попался! Как же он этого не предусмотрел!

– Прости, учитель. – Леван осторожно подошел, потрогал Ангуса, стоящего, как статуя императора. – Я сейчас тебя к стене прислоню, хорошо? Через пять часов от яда не останется и следа. Немного голова поболит и все. А если противоядие выпьешь – так и того не будет. Потерпи, пожалуйста. Я знаю, ты человек гордый, а еще – недоверчивый. Тебе все надо показать, рассказать. Пойми, ты никуда не денешься. Как и мы. У нас есть задача – заставить тебя сделать то, что нужно Братству. И я пойду на все, чтобы это сделать. Думаешь, мне их не жалко? – Он кивнул на группу испуганных детей, наблюдавших за происходящим с обреченностью овец, приведенных для заклания. – Ты пойми, не выполню я данного мне приказа – умру. Мне просто прикажут умереть, и я выполню приказ. Прикажут тебя убить – убью. И рука не дрогнет. Тут или ты, или я, учитель. У нас нет выбора!

Он легко, как статую из сухого дерева, поднял Ангуса и поставил его к стене, заботливо одернув на нем рубаху. Постоял рядом, размышляя о чем-то, и снова заговорил:

– Ты, похоже, до сих пор не понял, что такое Братство. Оно размажет тебя по мостовой, как соплю. Единственный способ выжить – это подчиниться. К примеру, я – могу убить тебя сотней разных способов. И ты ничего, совсем ничего не сможешь поделать. Не спасут тебя ни твои яды, ни твое умение махать мечом. Ведь мы не на дуэли. А я не из благородных. Я просто тебя убью, так же быстро, как прихлопнул бы таракана. Вот как его!

Леван мгновенно протянул руку, выдернул из группы мальчика лет шести – движение рукой, хруст, и мальчик обвис, стеклянными глазами глядя в синее небо. Из уголка рта протянулась тонкая струйка крови, и трава украсилась красными, пахнущими ржавым железом «ягодами».

Леван медленно, аккуратно опустил мальчишку на землю, сложил ему руки вдоль тела, поправил голову покойника и очертил вокруг солнечного сплетения знак «солнце».

– Мне жаль. Мне очень жаль! – глухо сказал Леван. – Это ты убил его, учитель! Я не мог по-другому! Ведь я хочу от тебя только одного: чтобы ты делал нужное снадобье. Я сам волью его в глотки. И значит, это не ты их убил, а я! Понимаешь?! Не ты! Ты всего лишь сделаешь лекарство! Выполнишь свою работу! Вся вина на мне! Это я подлец! Это я негодяй, убивающий детей! А ты ни при чем! Согласен? Если согласен – моргни два раза. А не согласен – один. И тогда я убью еще одного ребенка. Хочешь этого?

Ангус моргнул – «нет!».

– Хорошо. Так ты согласен на мое предложение? Поможешь Братству? Сделаешь снадобье?

«Да!»

– Обещаешь не вредить нам с Хессом? Клянусь, я отношусь к тебе, учитель, с огромным уважением. Но ты же понимаешь – я из Братства, Братство моя семья! И оно не прощает ошибок! Я не мог по-другому! А убьешь нас с Хессом – пришлют других. И неизвестно еще кого! У нас тоже уродов всяких хватает, негодяев. И будешь ты смотреть в их рожи! Тебе это надо? Нас ты знаешь – мы за тебя всех убьем! Но и ты нас поддержи, пожалуйста! Ладно? Не будешь нам гадить? Не убьешь нас?

«Нет», – после долгой паузы.

– Ну вот и здорово! Я сейчас отнесу тебя в постель, поспишь, отойдешь от заморозки. А как встанешь утром – начнешь готовить снадобье. А их, – он махнул в сторону группы детей, – ты не увидишь больше. Вернее, увидишь, но только тех, кто… ну… понятно. В общем, договорились. Я так рад, учитель! Спасибо тебе!

Ангус проснулся с дичайшей головной болью, голова его просто разламывалась на части – болело до тошноты, до рвоты, до воя, до скрежета зубовного! Он с трудом сел, сбросив непослушные ноги с кровати, и тут же все вспомнил. Все вспомнил! И разговор с Леваном, и убийство мальчика.

От досады, злости и тоски вроде как даже голова стала меньше болеть.

Не позволил себе раскиснуть, заставил тело встать и отправиться в другую комнату. Туда, где хранились готовые снадобья, которые Ангус намешивал впрок, – в доме всегда нужно иметь запас лекарственных препаратов: вдруг случится болезнь, так и снадобий наварить не успеешь! Большинство самых страшных болезней протекают практически мгновенно, за считаные часы, а то и минуты человек из здорового и цветущего превращается в гниющую развалину, кусок мертвого мяса, которое еще не знает, что оно уже мертво.

Нет уж, Ангус не желал повторить судьбу глупых, недальновидных лекарей, сгинувших в пламени чумных костров. Он всегда был наготове и всегда вооружен самыми сильными лекарствами.

Налил в глиняную кружку из высокой широкогорлой бутылки, заткнутой мягкой пробкой, принюхался, поболтал иссиня-черной, искрящей мелкими разрядами магии жидкостью. Вообще-то взбалтывать ее было нежелательно – уменьшается насыщение магией, но Ангус сделал это автоматически, думая о своем и действуя так, как если бы в руке он держал бокал с самым лучшим вином, которое приятно носу и хорошо ложится в желудок, вызывая волну теплоты и довольства. Выпил, поморщившись от терпкого вкуса и жжения. Иголки магической энергии пощипали за нёбо, взбодрив пациента и вызвав мгновенный приступ слепоты, – так бывает, зато потом станет хорошо. И стало. В груди

потеплело, сердце стало биться ровнее, спокойнее, легкие расправились. Голова ясная, звонкая, кровь заиграла по жилам – хорошо! Будто и не было боли!

Выглянул в окно – светало. Рано еще, но солнце уже погладило своими горячими руками верхушки тысячелетних деревьев. Звенел ручей, равномерно, гулко шумел водопад, но, сколько ни прислушивался лекарь, не было слышно голосов и плача. Как и не было детей, не было вчерашней сцены, не было унижения и злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/holodnoe-blyudo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить